НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ

СТИХИ

КНИГА ПЯТАЯ

ПАРИЖ
1965

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ

СТИХИ

КНИГА ПЯТАЯ

ПАРИЖ
1965

Printed in Spain

Número de Registro 5.779 - 1965
Depósito Legal: M. - 14.478 - 1965

Imp. R. T.—Suc. Vda. G. Sáez.—Mesón de Paños, 6.—Madrid

Здесь помещена часть стихов, изданных в 1928, 1937, 1939 и 1942 годах и написанных после этого.

Николай Туроверов.

Конец угарных летних дней.
Висят повсюду паутины.
Средь цветника, у тополей,
Как пятна крови, георгины.
Во всем осенний чуткий сон.
В янтарь оделися осины.
И в стеклах дома, у колонн,
Вечерний свет зажег рубины.
1915

Двух вороных могучий бег,
Полозьев шум слегка хрустящий,
Морозный день и ветер мчащий
Лицу навстречу колкий снег.
О, как родны и ветла вех,
И дым поземки мутно синий,
И кучера на шапке мех
И на усах пушистый иней.
1916

Закат окрасил облака
И лег в реке отсветом рыжим.
Плотва склевала червяка, —
Мой поплавок давно недвижим.
Струит в лицо степная тишь
Последний хмель благоуханий.
Гляжу на сохнущий камыш
И не мечтаю о сазане.
1916

Пустынно стало за гумном и голо.
Снопы в скирду сложили у плетня;
И запахом укропного рассола
Пропитан воздух солнечного дня.
Лишь воробьев, в пыли купаясь, стайка
Одна на улице. О, страдная пора!
С кадушкой огурцов хлопочет молодайка,
И слышен крик ее с соседнего двора.
1917

Вокруг простор пустынный и безбрежный,
А тут шалаш, бакшевник — дед глухой.
И запах дынь настойчивый и нежный
И скрип кузнечика в огудине сухой.
Арбуз не вкусен вяло — тепловатый.
И я смотрю, прищурившись слегка,
Как медленно плывут, кусками легкой ваты,
В глубоком небе облака.
1918

Сижу с утра сегодня на коне;
Но лень слезать, чтоб подтянуть подпруги.
Борзой кобель, горбатый и муругий,
Рысит покорно рядом по стерне.
Я знаю, этот день, не первый и не новый,
Собой не завершит теперь в степи мой путь.
И вспомню после остро, как — нибудь,
И эти облака и запах чебрецовый.
1919

Когда то мимо этихъ плес
Шли половцы и печенеги.
О, древний шлях! Дремлю в телеге
Под скрип несмазанных колес.
И снится мне все тот же сон —
Склонясь ко мне поют две бабы,
Напев их, медленный и слабый,
Меня томит, как долгий стон.
1920

Клубятся вихри — призрачные птицы.
Июльский день. В мажарах казаки.
Склонилися по ветру будяки
На круглой крыше каменной гробницы.
Струится зной. Уходят вереницы
Далеких гор. Маячат тополя,
А казаки поют, что где то есть поля,
И косяки кобыл и вольные станицы.
1920

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине
И в этот день в Чуфут - кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год — прощай Россия!
1920

ЛЕМНОС

1.

Февральский день и тихий и жемчужный
Белесо отразился в зеркале воды.
Прошли вдвоем. Чуть видные следы
Остались на песке. Шум лагеря ненужный
Лениво затихал...

2.

В полдневный час у пристани, когда
Струился зной от камня и железа,
Грузили мы баржу под взглядом сенгалеза
И отражала нас стеклянная вода.
Мы смутно помним прошлые года,
Неся по сходням соль, в чувалах хлеб и мыло.
В один недавний сон слилося все, что было
И все, что не было, быть может, никогда.

3.

Прорезал облака уже последний луч.
Дохнуло море солью сыровато
И краски расцвели внезапно и богато
На склонах смугло-желтоватых круч.
Минувшего нашел заветный ключ, —
Знаком залив, знакома эта влага:
Мне в детстве снился зной архипелага
И этот мыс на фоне сизых туч.

1921

ВОЛЬНИЦА

Минуя грозных стен Азова,
Подняв косые паруса,
В который раз смотрели снова
Вы на чужие небеса?
Который раз в открытом море,
С уключин смыв чужую кровь,
Несли вы дальше смерть и горе
В туман турецких берегов.
Но и средь вас не видел многих
В пути обратном атаман,
Когда меж берегов пологих
Ваш возвращался караван.
Ковры Царьграда и Дамаска
В Дону купали каюки;
На низкой пристани Черкасска
Вас ожидали старики;
Но прежде чем делить добычу,
Вы лучший камень и ковер,
Блюдя прадедовский обычай,
Несли торжественно в собор,
И прибавляли вновь к оправе
Икон сверкающий алмаз,
Что б сохранить казачьей славе
Благую ласку Божьих глаз.

1922

ИЗ ПОЭМЫ «НОВОЧЕРКАССК»

Меня с тобой связали узы
Моих прадедов и дедов, —
Не мне-ль теперь просить у музы
И нужных рифм и нужных слов?
Воспоминаний кубок пенный,
Среди скитаний и невзгод,
Не мне-ль душою неизменной
Испить указан был черед?
Но мыслить не могу иначе:
Ты город прошлых тихих дней
И новый вихрь судьбы казачьей
Тебе был смерти холодней.

… … … … … … … … … … …
… … … … … … … … … … …

Колокола печально пели.
В домах прощались, во дворе;
Венок плели, кружась, метели
Тебе, мой город, на горе.
Сноси неслыханные муки
Под сень соборного креста.
Я помню, помню день разлуки,
В канун Рождения Христа,
И не забуду звон унылый
Среди снегов декабрьских вьюг
И бешенный галоп кобылы,
Меня бросающей на юг.

1922

МАЙДАН

Они сойдутся в первый раз
На обетованной долине,
Когда трубы звенящий глас
В раю повторит крик павлиний,
Зовя всех мертвых и живых
На суд у Божьего престола
И станут парой часовых
У врат Егорий и Никола;
И сам архангел Михаил,
Спустившись в степь, в лесные чащи,
Разрубит плен донских могил,
Подняв высоко меч горящий.
— И Ермака увидит Бог
Разрез очей упрямо смелый,
Носки загнутые сапог,
Шишак и панцырь заржавелый;
В тоске несбывшихся надежд,
От страшной казни безобразен,
Пройдет с своей ватагой Разин,
Не опустив пред Богом вежд;
Булавин промелькнет Кондратий;
Открыв кровавые рубцы,

За ним, — заплата на заплате, —
Пройдут зипунные бойцы,
Кто Русь стерег во тьме столетий,
Пока не грянула пора
И низко их склонились дети
К ботфортам грозного Петра.
В походном синем чекмене,
Как будто только из похода,
Проедет Платов на коне
С полками памятного года;
За ним, средь кликов боевых,
Взметая пыль дороги райской,
Проскачут с множеством других
Бакланов, Греков, Иловайский,
— Все те, кто славу казака
Сплетя со славою имперской,
Донского гнали маштака
В отваге пламенной и дерзкой
Туда, где в грохоте войны
Мужала юная Россия, —
Степей наездники лихие,
Отцов достойные сыны;
Но вот дыханье страшных лет
Повеет в светлых рощах рая
И Каледин, в руках сжимая,
Пробивший сердце пистолет,
Пройдет средь крови и отрепий
Донских последних казаков.
И скажет Бог:

— «Я создал степи
Не для того, чтоб видеть кровь»,
— «Был тяжкий крест им в жизни дан»,
Заступник вымолвит Никола:
«Всегда просил казачий стан
Меня молиться у Престола».
— «Они сыны моей земли»!
Воскликнет пламенный Егорий:
«Моих волков они блюли
Среди своих степных приморий».
И Бог, в любви изнемогая,
Ладонью скроет влагу вежд
И будет ветер гнуть, играя,
Тяжелый шелк Его одежд.
1922

— «В скитаниях весел будь и волен,
Терпи и жди грядущих встреч, —
Тот не со Мной, кто духом болен,
Тому не встать, кто хочет лечь.
Простор морей, деревья пущи
И зреющий на ниве злак
Откроют бодрымъ и идущим
Благословяющий Мой знак.
В лицо пусть веет ветер встречный, —
Иди —и помни: Я велел».
Так говорил Гослодь, и млечный
На темном небе путь блестел.
1922

АЛБАНСКИЕ СТИХИ

1.

Глубокий снег лежал в горах.
Был лунный свет мутнее дыма.
Попутчик мой сказал: Аллах
Хранит в дороге пилигрима.
Кто он, откуда? Для меня
Не все равно-ль? На горном склоне
Он своего поил коня
И вместе пили наши кони.
Теперь нас ждет в горах ночлег.
И знаю я, дрожа от стужи,
Он для меня расчистит снег,
Простелет рваный плащ верблюжий
И, вынув свой кремень и трут,
Зажжет подобранные сучья.
Счастлив Аллах, царящий тут
— Слуги ему не надо лучше.
1923

2.

Я скрылся от дождя, от ночи и от бури
В пастушьем шалаше. Пастух был нелюдим;
Но он мне место дал у очага на шкуре
И круглый хлеб, надъеденный самим.
В горах случайны и безмолвны встречи.
Что он мне мог сказать, что мог ответить я,
Когда нас крепче слов сближает мех овечий
И скудное тепло дымящего огня.
1923

3.

Что мне столетия глухие,
Сюда пришедшему на час?
О баснословной Византии
Руин лирический рассказ.
Мне все равно какая смена
Эпох оставила свой прах
Средь этих стен и запах тлена
В полуразрушенных церквах.
Запомню только скрип уключин,
Баркас с библейскою кормой,
Да гор шафрановые кручи
Над синей охридской водой.
1930

4.

Знаю, я тебе не пара, —
Твой отец богатый бей;
От Валоны до Скадара
Равных нет ему людей.
У бродяги — иноверца
Нет на свете ничего,
Только сердце, только сердце
Однолетки твоего.
Завтра я уеду рано.
Не проснется твой отец.
Ты услышишь каравана
Невеселый бубенец.
1938

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ О СЕРБИИ

1.

... Когда же победно османы
Нахлынули, ширя набег,
Ты вышел встречать ятаганы,
В бараний закутавшись мех.
Под грузом блистательной Порты
Застыли недвижно века;
Но прятала нож полустертый
За пояс упорно рука.
И редко кто помнил на свете
Про твой вековечный окрест,
Где серп вознесенный мечети
Венчал покосившийся крест...
... ...
Но русскому сердцу дороже
В пастушьем нáпеве свирель,
У женщины, с нашею схожей,
В руке вековая кудель,
И весь от загара ты бурый,
Огонь высекающий в трут,
И эти овчинные шкуры
И пóтом пропитанный труд...
1924

2.

За старой ригой поворот.
Легко итти по росным тропам
В вечерний час на огород,
Дыша гвоздикой и укропом.
О, мирный труд! Шагает конь.
Чигирь скрипит. Вода струится.

Нет, дни пожаров и погонь
Теперь сплошная небылица.
И в этот час, средь синих верб,
Когда двурогий месяц встанет,
Как может верить старый серб,
Словам о буре и о бране.
Мне — ратной совести укор,
Ему — его земля и травы
И даст он молча помидор
Рукой мне грязной и шершавой.

3.

Опять сентябрь в чужой стране.
Но не ищу судьбе укора,
Идя по розовой стерне
Тропой уклонной косогора.
Приюта нет — ну что-ж и пусть
Меня влекут чужие дали, —
Вручу дорожным ветрам грусть,
Чужим полям отдам печали.
Я знаю, кто нетороплив,
Кто числит время ростом злаков,
Тому сентябрь везде счастлив
И благосклонно одинаков.
И с сердцем легким и простым,
Гляжу, весь мир благословляя,
Как над селом лиловый дым
Восходит ввысь, лениво тая.
1924

ВЕТЕР

Дуй, ветер, дуй! Сметай года,
Как листьев мертвых легкий ворох.
Я не забуду никогда
Твой начинающийся шорох,
Твоих порывов злую крепь
Не разлюблю я, вспоминая
Далекую родную степь
Мою от края и до края.
И сладко знать: без перемен
Ты был и будешь одинаков, —
Взметай же прах Азовских стен,
Играй листвою буераков,
Кудрявь размах донской волны,
Кружи над нею чаек в плаче,
Сзывай вновь свистом табуны
На пустырях земель казачьих
И, каменных целуя баб
В свирепой страсти урагана,
Ковыльную седую хлябь
Гони к кургану от кургана.

1924

СНЕГ

Моему брату.

Ты говоришь: — Смотри на снег,
Когда синей он станет к ночи.
Тяжелый путь за прошлый грех
Одним длинней, другим короче;
Но всех роднят напевы вьюг,
Кто в дальних странствиях обижен.
Зимой острее взор и слух
И Русь роднее нам и ближе.
И я смотрю... Темнеет твердь.
Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов.
Те дни прошли. Дней новых бег
Из года в год неинтересней, —
Мы той зиме отдали смех,
Отдали молодость и песни.
Но в час глухой я выйду в ночь,
В родную снежную безбрежность —
Разлуку сможет превозмочь
Лишь познающий безнадежность.

1924

ПАРИЖСКАЯ ВЕСНА

1.

Все тот же Лувр и то же Тюльери, —
Просторные, пустынные аллеи;
В воде бассейна медленные змеи
Весенней догорающей зари.
И в окнах тот же рыжеватый свет
— Вечерний слиток золота и меди,
И на закат все так же прямо едет
Со шпагою упрямый Лафайет.

2.

О неземной невероятной неге
Возвышенного бытия
Строфой классических элегий
Звенит фонтанная струя.
И сыпет золотом богато
Заката щедрая рука,
Загнув над крышею сената
Торжественные облака.

3.

Прохожих редких четок шаг.
Длиннее тени на газоне;
Ты ждешь, когда фонарь уронит
В канал серебряный зигзаг.
Как передать в простых речах
И этот вечер вешне-мглистый
И этот блеск, сухой и чистый,
В твоих восторженных очах.
1925

ИЗ ПОЭМЫ «ПЕРЕКОП»

Родному Атаманскому полку.

... Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шел в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак...
... ...
Забыть ли, как на снеге сбитом
В последний раз рубил казак,
Как под размашистым копытом
Звенел промерзлый солончак,
И как минутная победа
Швырнула нас через окоп,
И храп коней, и крик соседа
И кровью залитый сугроб...
... ...
О милом крае, о родимом
Звенела песня казака

И гнал и рвал над белым Крымом
Морозный ветер облака.
Спеши, мой конь, долиной Качи,
Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход,
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подпруг
И, злым предчувствием волнуем,
Заржет печально верный друг.
1925

МАРТ

За облысевшими буграми
Закаты ярче и длинней,
И ниже виснут вечерами
Густые дымы куреней.
В степи туманы, да бурьяны,
Последний грязный, талый снег,
И рьяно правит ветер пьяный
Коней казачьих резвый бег.
Сильней, сильней стяни подпруги,
Вскачи в седло, не знав стремян;
Скачи на выгон, за муругий
На зиму сложенный саман.

Свищи, кричи в лихой отваге
О том, что ты донской казак;
Гони коня через овраги,
За самый дальний буерак.
Пусть в потной пене возвратится
Твой конь и станет у крыльца;
Пусть у ворот ждет молодица
С улыбкой ясной молодца.
Отдай коня. Раздольно длинный
Путь утомил. И будешь рад
Вдохнув в сенях ты запах блинный,
Повисший густо сизый чад.
Как раньше предки пили, пели,
Так пей и ты и песни пой.
Все дни на масляной неделе
Ходи с хмельною головой.
Но час прийдет. И вечер синий
Простелит медленную тень,
И в запоздалых криках минет
Последний день, прощеный день.
Сияй лампадами, божница,
В венке сухого ковыля.
Молиться будет и трудиться
Весь пост казачая земля.

1925

СОЧЕЛЬНИК

Темнее стал за речкой ельник.
Весь в серебре синеет сад
И над селом зажег сочельник
Зеленый медленный закат.
Лиловым дымом дышат хаты,
Морозна праздничная тишь.
Снега, как комья чистой ваты,
Легли на грудь убогих крыш.
Ах, Русь, Московия, Россия,
Простор безбрежно снеговой,
Какие звезды золотые
Сейчас зажгутся над тобой.
И все равно, какой бы жребий
Тебе ни бросили года,
Не догорит на этом небе
Волхвов приведшая звезда.
И будут знать и будут верить,
Что в эту ночь, в мороз, в метель
Младенец был в простой пещере
В стране за тридевять земель.

1926

Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такою осталась
Тетива наших душ навсегда.
Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.
1926

И. А. Бунину.

Пущу собак. И, как дитя, заплачет
На пахоте настигнутый русак
И вновь Устин, отцовский доезжачий,
Начнет ворчать, что я пускал не так.
— Опять, паныч, у вас расчету мало.
И с сердцем бросив повод на луку,
Он острием старинного кинжала
Слегка проколет ноздри русаку.
О, мудрая охотничья наука!
Тороча зайца, слушаю слугу,
И лижет старая, седеющая сука
Кровавый сгусток в розовом снегу.
1926

СЕРЬГИ

Моей жене.

1.

Где их родина? В Смирне-ль, в Тавризе,
Кто их сделал, кому и когда?
Ах, никто к нам теперь не приблизит
Отлетевшие в вечность года.
Может быть, их впервые надела
Смуглолицая ханская дочь,
Ожидая супруга несмело
В свою первую брачную ночь;
Иль позор искупить, чтобы девичь,
Побороть горечь жалоб и слез,
Их влюбленный персидский царевич
Своей милой в подарок принес,
И она, о стыде забывая,
Ослепленная блеском серег,
Азиатского душного рая,
Преступила заветный порог.
Сколько раз потом женские уши
Суждено было им проколоть,
Озаряя гаремные души,
Украшая горячую плоть;
Сколько раз госпожа на верблюде
Колыхала их в зное пустынь,
Глядя сверху на смуглые груди
Опаленных ветрами рабынь;
Но на север, когда каравану
Путь казачий разбой преградил,

Госпожу привели к атаману,
Атаман госпожи не щадил, —
Надругался над ней, опорочил,
На горячий швырнув солончак,
И с серьгами к седлу приторочил,
Привязал за высокий арчак.
Или, может быть, прежде чем кинул
Свою жертву под гребень волны,
Разин пьяной рукою их вынул
Из ушей закаспийской княжны,
Чтоб потом, средь награбленной груды,
Забывая родную страну,
Расцветали их изумруды
На разбойном, на вольном Дону.
Эх, приволье широких раздолий,
Голубая, полынная лепь, —
Разлилась, расплескалась на воле
Ковылями просторная степь.
И кода эту свадьбу справляли
Во весь буйный казачий размах,
Не они-ль над узорами шали
У Маланьи сверкали в ушах,
Не казачью ли женскую долю
Разделяли покорно они,
Видя только бурьяны по полю,
Да черкасских старшин курени.
Но станичная глушь миновала,
Среди новых блистательных встреч

Отразили лучисто зеркала
Их над матовым мрамором плеч.
Промелькнули за лицами лица
И, кануном смертельных утрат,
Распростерла над ними столица
Золотой свой веселый закат.

2.

Что-ж мне делать коль прошлым так пьяно
Захмелела внезапно душа
И в полночных огнях ресторана,
По старинному так хороша,
Ты сидишь средь испытанных пьяниц,
Дочь далеких придонских станиц,
И пылает твой смуглый румянец
Под коричневой тенью ресниц.
Колыхаются серьги-подвески,
Расцветают в зеленом огне
И трепещут короткие блески
В золотистом анжуйском вине.
Что на речи твои я отвечу?
Помню окрик казачьих погонь,
Вижу близко, как весело мечут
Эти камни разбойный огонь.
1927

ИЗ ПОЭМЫ «ПАРИЖ»

Опять в бистро за чашкой кофе
Услышу я, в который раз,
О добровольческой Голгофе
Твой увлекательный рассказ.
Мой дорогой однополчанин,
Войною нареченный брат,
В снегах корниловской Кубани
Ты, как и все мы, выпил яд, —
Пленительный и неминучий
Напиток рухнувших эпох
И всех земных благополучий
Стал для тебя далек порог.
Все той же бесшабашной воле
Порывы сердца сохраняя,
Ты мнишь себя в задонском поле
Средь пулеметного огня
И, сквозь седую муть тумана
Увидя людные бугры,
Сталь неразлучного нагана
Рвешь на-ходу из кобуры.

… … … … … … … … … … …

... Мой милый край, в угаре брани
Тебе я вымолвил — прости;
Но и цветам воспоминаний
Не много лет дано цвести.
Какие пламенные строфы
Напомнят мне мои поля
И эту степь, где бродят дрофы
В сухом разливе ковыля?...

... ...

... Как счастлив я, когда приснится
Мне ласка нежного отца,
Моя далекая станица
У быстроводного Донца,
На гумнах новая солома,
Внизу поемные луга,
Знакомый кров родного дома,
Реки родные берега,
И слез невольно сердце просит
И я рыдать во сне готов,
Когда услышу в спелом просе
Вечерний крик перепелов,
Увижу розовые рощи,
В пожаре дымном облака
И эти воды, где полощет
Заря веселые шелка.

... ...

... Своих страданий иилигримы,
Скитальцы не своей вины.
Твои-ль, Париж, закроют дымы
Лицо покинутой страны,
И беспокойный дух кочевий,
Неповторимые года
Сгорят в твоем железном чреве
И навсегда, и без следа...

... ...

Как далека от нас природа,
Как жалок с нею наш союз, —
Чугунным факелсм свобода
Благословляет наших муз.
И, славя несветящий факел,
Земли не слыша древний зов,
Идем мы ощупью во мраке
На зовы райских голосов,
И жадно ищем вещих знаков
Несовершившихся чудес
И ждем, когда для нас Иаков
Опустит лестницу с небес.
И мы восторженной толпою,
В горячей солнечной пыли,
Уйдем небесною тропою
От неопознанной земли.

1928

ВЕРСАЛЬ

Зеленей трава не может быть,
Быть не могут зори золотистей,
Первые потерянные листья
Будут долго по каналу плыть,
Будут долго воды розоветь,
С каждым мигом глубже и чудесней.
— Неужели радостные песни
Разучились слушать мы и петь?
Знаю, знаю, ты уже устал,
Знаю власть твоих воспоминаний;
Но, смотри, каких очарований
Преисполнен розовый канал!
Ах, не надо горечью утрат
Отравлять восторженные речи, —
Лишь бы дольше длился этот вечер,
Не померк сияющий закат.
1929

Отец свой нож неспешно вынет,
Охотничий огромный нож,
И скажет весело: — Ну, что ж,
Теперь попробуем мы дыню.
А дыня будет хороша, —
Что дать отцу, бакшевник знает,
Ее он долго выбирает
Среди других у шалаша.
Течет по пальцам сладкий сок,
Он для меня охот всех слаще;
Но, как охотник настоящий,
Собаке лучший дам кусок.
1929

ПРАБАБКА

Мы плохо предков своих знали,
Жизнь на Дону была глуха,
Когда прабабка в лучшей шали,
Невозмутима и строга,
Надев жемчужные подвески,
Уселась в кресло напоказ, —
И зрел ее в достойном блеске
Старочеркасский богомаз.
О, как старательно и чисто
Писал он смуглое лицо,
И цареградские мониста,
И с аметистами кольцо;
И шали блеклые розаны
Под кистью ярко расцвели,
Забыв полуденные страны
Для этой северной земли.
... А ветер в поле гнал туманы,
К дождю кричали петухи,
Росли на улице бурьяны
И лебеда и лопухи;
Паслись на площади телята
И к Дону шумною гурьбой
Шли босоногие ребята,
Ведя коней на водопой;
На берегу сушились сети;
Качал баркасы темный Дон;
Нес по низовью влажный ветер
Собора скудный перезвон;

Кружились по ветру вороны,
Садясь на мокрые плетни;
Кизечный дым под перезвоны
Кадили щедро курени;
Казак, чекмень в грязи запачкав,
Гнал через лужи жеребца
И чернобровая казачка
Глядела вслед ему с крыльца.
1929

Слились в одну мои все зимы,
Мои оснеженные дни.
Застыли розовые дымы,
Легли сугробы за плетни.
И вечер, как мужик в овчине,
Бредет в синеющих полях,
Развешивая хрупкий иней
На придорожных тополях.
В раю моих воспоминаний,
В моем мучительном раю
Ковровые уносят сани
Меня на родину мою.
Легка далекая дорога,
Моих коней неслышен бег
И в каждой хате, ради Бога,
Готов мне ужин и ночлег.
А утром в льдистое оконце,
Рисуя розы по стеклу,
Глядит малиновое солнце
Сквозь замороженную мглу.
1929

МУЗА

Звенит над корками арбуза
Неугомонная пчела.
Изнемогающая Муза
Под бричкой снова прилегла,
Ища какой нибудь прохлады
В моем степном горячем дне,
И мнет воздушные наряды
На свежескошенной стерне.
А я сижу на солнцепеке,
К жаре привыкший человек;
Гляжу, как медленно на щеки
Из синевы закрытых век
Слезу подруга дорогая
Роняет в тяжком полусне,
Иные страны вспоминая
В казачьей варварской стране.
И, как дитя, протяжно дышет
Среди окованных колес,
И ветерок легко колышет
Сухую смоль ее волос.
О, беспокойный дух скитаний!
Но что я знаю и могу?..
Когда в степи прохладней станет,
Савраса в бричку запрягу,
И снова с Музой по ухабам
Заброшенного большака

Где только каменные бабы
Да грустный посвист байбака,
Я буду ехать, иноходца
Не торопя и не гоня...
Звезда вечерняя зажжется
И Муза милая моя,
Когда небесный путь попозже
Блестнет над нашею дугой,
Возьмет веревочные вожжи
Своею нежною рукой.
1929

Июльский день. Овраг. Криница.
От зноя обмелевший пруд.
Стреноженная кобылица,
Звеня железом ржавых пут,
Бредет на жарком косогоре
В сухих колючках будяка,
И звону пут печально вторит
Ленивый посвист кулика.
О, сонный полдень летней дневки
И вспомню-ль я иные дни,
Под грушей лежа на поддевке
В неосвежающей тени,
Когда зовет к глухим дремотам
Своим журчанием родник,
И остро пахнет конским потом
На солнце сохнущий потник.
1930

Ах, Боже мой, жара какая,
Какая знойная сухмень!
Собака, будто неживая,
Лежит в тени; но что за тень
В степи от маленькой кислицы?
И я, под сенью деревца,
В рубахе выцветшего ситца,
Смотрю на спящего отца.
И жаркий блеск его двухстволки,
И желтой кожи патронташ,
И кровь и перья перепелки,
Небрежно брошенной в ягташ, —
Весь этот день, такой горячий,
И солнца нестерпимый свет,
Запомню с жадностью ребячей
Своих восьми неполных лет,
Запомню, сам того не зная,
И буду помнить до конца.
О, степь от зноя голубая,
О, профиль спящего отца!
1930

Все те же убогие хаты,
И так же не станет иным,
Легко уходящий в закаты,
Над хатами розовый дым.
Как раньше, - при нашем отъезде,
Все так же в российской ночи

Мерцают полярных созвездий
В снегах голубые лучи.
И с детства знакомые елки
Темнеют в промерзлом окне,
И детям мерещатся волки,
Как раньше мерещились мне.
1930

Грозу мы замечаем еле.
Раскрыв удобные зонты,
В просветах уличных ущелий
Не видим Божьей красоты,
И никому из нас не мнится,
Вселявшая когда-то страх,
Божественная колесница
С пророком в грозных облаках.
Ах, горожанин не услышит
Ее движенье никогда, —
Вотще на аспидные крыши
Летит небесная вода!
И скудный мир, глухой и тесный,
Ревниво прячет каждый дом,
И гром весенний, гром чудесный
Неслышен в шуме городском.
Но где-нибудь теперь на ниве,
Средь зеленеющих равнин
Благословляет бурный ливень
Насквозь промокший селянин.
И чувств его в Господней славе
Словами выразить нельзя,
Когда утихший дождь оправит
Веселой радуги стезя.
1930

ЗАДОНЬЕ

1.

Утпола́, — по-калмыцки, — звезда,
Утпола́, — твое девичье имя.
По толокам пасутся стада,
Стрепета пролетают над ними.
Ни дорог, ни деревьев, ни хат.
Далеки друг от друга улусы,
И в полынь азиатский закат
Уронил свои желтые бусы.
В жарком мареве, в розовой мгле,
Весь июнь по Задонью кочую.
У тебя на реке Куберле
Эту ночь, Утпола́, заночую.
Не прогонишь меня без отца,
А отец твой уехал к соседу, —
Как касается ветер лица,
Так неслышно к тебе я приеду.
Ты в кибитке своей для меня
Приготовишь из войлока ложе,
Моего расседлаешь коня,
Разнуздаешь его и стреножишь.
Не кляни мой внезапный ночлег,
Не клянись, что тебя я забуду, —
Никогда неожиданный грех
Не разгневает кроткого Будду.
Утпола́, ты моя Утпола́ —
Золотистая россыпь созвездий, —
Ничего ты понять не могла,
Что тебе я сказал при отъезде.

2.

Четвертый день сижу в кибитке.
В степи буран. Дороги нет.
Четвертый день мне на обед
Плохого чая крошит плитки
Калмык в кобылье молоко
И кипятит с бараньим жиром.
Метель, метель над целым миром.
Как я от дома далеко
Делю скуду зимовника
В плену задонской непогоды.
О, эти войлочные своды
И дым сырого кизека, —
Кочевий древнее жилье,
Мое случайное жилище...
Буран, как волк, по свету рыщет,
Все ищет логово свое.
Занесена, заметена
Моя теперь снегами бричка.
Дымит очаг, поет калмычка
И в песне просит гилюна
Трубить в трубу, пугать буран, —
Без корма гибнут кобылицы, —
А я дремлю и мне все снится
Идущий в Лхассу караван
По плоскогориям в Тибете,
Туда, где сам Далай Лама.
Там тот же ветер, снег и тьма.
Метель, метель на целом свете.

1930

Наташе Туроверовой.

Выходи со мной на воздух,
За сугробы у ворот.
В золотых дрожащих звездах
Темносиний небосвод.
Мы с тобой увидим чудо:
Через снежные поля
Проезжают на верблюдах
Три заморских короля;
Все они в одеждах ярких,
На расшитых чепраках,
Драгоценные подарки
Держат в бережных руках.
Мы тайком пойдем за ними
По верблюжьему следу,
В голубом морозном дыме
На хвостатую звезду.
И с тобой увидим после
Этот маленький вертеп,
Где стоит у яслей ослик
И лежит на камне хлеб.
Мы увидим Матерь Божью,
Доброту Ее чела, —
По степям, по бездорожью
К нам с Иосифом пришла;
И сюда в снега глухие
Из полуденной земли

К замороженной России
Приезжают короли
Преклонить свои колени
Там, где благостно светя,
На донском душистом сене
Спит небесное Дитя.
1930

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задоньи, курится
Седая февральская мгла.
Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь
И где то правее — Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безъисходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали все, что имели,
Тебе восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели
Степной — за Россию — поход.
1931

В эту ночь мы ушли от погони,
Расседлали своих лошадей;
Я лежал на шершавой попоне
Среди спящих усталых людей.
И запомнил и помню доныне
Наш последний российский ночлег,
Эти звезды приморской пустыни,
Этот синий мерцающий снег.
Стерегло нас последнее горе, —
После снежных татарских полей, —
Ледяное Понтийское море,
Ледяная душа кораблей.
1931

Флагами город украшен
В память победной войны.
Старая дружба, без нашей,
Сразу забытой страны.
Да и нужна-ли награда
Людям распятым судьбой?
Выйду на праздник парада
Вместе с парижской толпой.
Увижу, как ветер полощет
Флаги в срывах дождя,
Круглую людную площадь,
Пеструю свиту вождя.
Запомню неяркое пламя
В просвете громадных ворот, —
Все, что оставил на память
Здесь восемнадцатый год.
1931

Эти дни не могут повторяться, —
Юность не вернется никогда.
И туманнее и реже снятся
Нам чудесные, жестокие года.
С каждым годом меньше очевидцев
Этих страшных, легендарных дней.
Наше сердце приучилось биться
И спокойнее и глуше и ровней.
Что теперь мы можем и что смеем?
Полюбив спокойную страну,
Незаметно медленно стареем
В европейском ласковом плену.
И ростет и ждет ли наша смена,
Чтобы вновь в февральскую пургу
Дети шли в сугробах поколена
Умирать на розовом снегу.
И над одинокими на свете,
С песнями идущими на смерть,
Веял тот же сумасшедший ветер
И темнела сумрачная твердь.

1932

Anne de Kerbriand.

Вы говорили о Бретани.
Тысячелетняя тоска,
Казалось вам, понятней станет
Простому сердцу казака.
И все изведавший на свете,
Считать родным я был готов
Непрекращающийся ветер
У финистерских берегов.
Не все равно-ль чему поверить,
Какие страны полюбить,
Невероятные потери
На сутки радостно забыть.
И пусть ребяческой затее
Я завтра сам не буду рад, —
Для нас сегодня пламенеет
Над Сеной медленный закат,
И на густом закатном фоне
В сияющую пустоту
Крылатые стремятся кони
На императорском мосту.

1932

АРМЕНИЯ

Рипсимэ Асланьян.

Мне все мнится, что видел когда-то
Я страны твоей древней пустырь, —
Неземные снега Арарата,
У снегов голубой монастырь.
Помню ветер твоих плоскогорий,
Скудных рощ невеселую сень,
Вековое покорное горе
Разоренных твоих деревень;
Помню горечь овечьего сыра,
Золотое я помню вино...
Всю историю древнего мира
Я забыл, перепутал давно.
И не все-ли равно, что там было
И что мне до библейских эпох,
Если медленно ты подходила
К перекрестку наших дорог,
Если встретясь случайно и странно,
Знаю, завтра уйдешь уже прочь.
Не забыть твоей речи гортанной,
Твоих глаз ассирийскую ночь.
1934

СУВОРОВ

Все ветер, да ветер. Все ветры на свете
Трепали твою седину.
Все те же солдаты, — любимые дети, —
Пришедшие в эту страну.
Осталися сзади и бездны и кручи,
Дожди и снега непогод.
Последний твой, — самый тяжелый и лучший,
Альпийский окончен поход.
Награды тебе не найдет император,
Да ты и не жаждешь наград, —
Для дряхлого сердца триумфы возврата
Уже сокрушительный яд.
Ах, Русь — Византия и Рим и Пальмира!
Стал мир для тебя невелик.
Глумились австрийцы: и шут, и задира,
Совсем сумасшедший старик.
Ты понял, быть может, неверя и плача,
Что с жизнью прощаться пора.
Скакала по фронту соловая кляча,
Солдаты кричали ура.
Кричали войска в исступленном восторге,
Увидя в солдатском раю
Распахнутый ворот, на шее Георгий —
Воздушную немощь твою.

1935

Больше ждать и верить и томиться,
Притворяться больше не могу.
Древняя Черкасская станица, —
Город мой на низком берегу
С каждым годом дальше и дороже...
Время примириться мне с судьбой.
Для тебя случайный я прохожий,
Для меня, наверно, ты чужой.
Ничего не помню и не знаю!
Фея положила в колыбель
Мне свирель прадедовского края
Да насущный хлеб чужих земель.
Пусть другие более счастливы, —
И далекий неизвестный брат
Видит эти степи и разливы
И поет про ветер и закат.
Будем незнакомы с ним до гроба
И, в родном не встретившись краю,
Мы друг друга опознаем оба,
Все равно, в аду или в раю.

1936

Задыхаясь, бежали к опушке,
Кто-то крикнул: устал, не могу!
Опоздали мы, — раненый Пушкин
Неподвижно лежал на снегу.
Слишком поздно опять прибежали, —
Никакого прощенья нам нет,
Опоздали, опять опоздали
У Дантеса отнять пистолет.
Снова так же стояла карета,
Снова был ни к чему наш рассказ,
И с кровавого снега поэта
Поднимал побледневший Данзас.
А потом эти сутки мученья,
На рассвете несдержанный стон,
Ужасающий крик обреченья —
И жены летаргический сон.
Отлетела душа, улетела, —
Разрешился последний вопрос.
Выносили друзья его тело
На родной петербургский мороз,
И при выносе мы на колени
Опускались в ближайший сугроб;
И Тургенев, один лишь Тургенев,
Проводил самый близкий нам гроб.
И не десять, не двадцать, не тридцать, —
Может быть, уже тысячу раз
Снился мне и еще будет сниться
Этот чей-то неточный рассказ.

1937

Едва я жизнь узнал сполна,
Как ты уже ушел от жизни;
Но злая воля не дана
Потусторонней укоризне.
И вот, средь пылкой суеты
Моих беспутных увлечений
Со мною рядом будешь ты
С загробным холодом сомнений.
Пройдет ли год иль десять лет,
Все та же будет дружба наша,
Все тот же мой тебе привет —
Вином наполненная чаша.
1938

— И вот, опустится последний мрак
И сердце перестанет биться.
Спокойствие, спокойствие, — но как
Спокойствием мне этим заразиться,
Когда неизлечимо заражен,
Уже отравлен бешенною кровью,
Когда люблю еще вино и жен
Веселой полнокровною любовью.
Куда бежать мне от своих страстей,
О стену чью мне головою биться?
Иль до последних, недалеких дней
Неизмениться, неугомониться.
1938

Возвращается ветер на круги своя,
Повторяется жизнь и твоя и моя,
Повторяется все, только наша любовь
Никогда не повторится вновь
1937

Франции.

Жизнь не начинается сначала
Так не надо зря чего-то ждать;
Ты меня с улыбкой не встречала
И в слезах не будешь провожать.
У тебя свои, родные, дети,
У тебя я тоже не один,
Приютившийся на годы эти,
Чей то чужеродный сын.
Кончилась давно моя дорога,
Кончилась во сне и наяву, —
Долго жил у твоего порога,
И еще, наверно, поживу.
Лучшие тебе я отдал годы,
Все тебе доверил, не тая, —
Франция, страна моей свободы —
Мачеха веселая моя.
1938

Просить, просить и получать отказ,
Просить у каждого прохожего полушку
И в тысячный, быть может, раз
Протягивать пустую кружку.
Не все равно ли, зрячий иль слепец,
Молящий тихо, громко ли просящий;
Не все равно ли, — кто он, наконец,
У подворотни с кружкою стоящий,
Напрасно ожидающий чудес.
О, твой романс, старательно забытый, —
Мадридский нищий, щедрость Долорес,
И поцелуй красавицы Пепиты.
1938

В саду над этой урной,
Над кущей этих роз
Пронесся дождик бурный
Потоком женских слез.
Шумел внезапный ветер
Березой у окна.
Теперь на целом свете
Осталась я одна.
Кукушечка — подружка,
Одна я навсегда, —
Кукуй, моя кукушка,
Считай мои года.
1938

Фонтан любви, фонтан живой
Принес я в дар тебе две розы.

Пушкин

В огне все было и в дыму, —
Мы уходили от погони.
Увы, не в пушкинском Крыму
Теперь скакали наши кони.
В дыму войны был этот край,
Спешил наш полк долиной Качи,
И покидал Бахчисарай
Последним мой разъезд казачий.
На юг, на юг. Всему конец.
В незабываемом волненьи,
Я посетил тогда дворец
В его печальном запустеньи.
И увидал я ветхий зал, —
Мерцала тускло позолота, —
С трудом стихи я вспоминал,
В пустом дворце искал кого-то.
Нетерпеливо вестовой
Водил коней вокруг гарема, —
Когда и где мне голос твой
Опять почудится Зарема?
Прощай, фонтан холодных слез.
Мне сердце жгла слеза иная —
И роз тебе я не принес,
Тебя навеки покидая.

1938

Сердце сердцу весть подает,
Глупое сердце все еще ждет,
Все еще верит в верность твою,
В какую то нежность в далеком краю;
Все о тебе сердцу хочется петь, —
Бедное сердце не хочет стареть.
1938

Кончалось веселое лето
В дожде опадающих звезд.
Все лето ждала ты ответа,
Ответ мой был ясен и прост —
Навеки, навеки, до гроба,
С шестнадцати лет — навсегда.
Не знали, не ведали оба
В какие уходим года;
Еще ничего мы не знали
В счастливых бессонных ночах.
О, как высоко мы взлетали
С тобой на гигантских шагах.
1938

КАЯЛ

Ворожила ты мне, колдовала,
Прижимала ладонью висок —
И увидел я воды Каяла,
Кагальницкий горячий песок.
Неутешная плакала чайка,
Одиноко кружась над водой, —
Ах, не чайка — в слезах молодайка,
— Не вернулся казак молодой;
Не казачка — сама Ярославна
Это плачет по князю в тоске.
Все равно, — что давно, что недавно, —
Никого нет на этом песке.
1938

Свою судьбу я искушал, —
В те дни всего казалось мало, —
Я видел смерть и с ней играл,
И смерть сама со мной играла.
Была та дивная пора,
Неповторимым искушеньем
И наша страшная игра
Велась с жестоким упоеньем.
Всепожирающий огонь
Испепелил любовь и жалость, —
Сменялся бой, менялся конь,
Одна игра лишь не менялась.
1938

ЭЛЕГИЯ

Только дым воспоминаний,
Или все уже, как дым,
И никто из нас не станет
Тем, чем был он молодым?
И не будет больше лестниц
Потаенных и дверей;
Ожидающих прелестниц
Первой юности твоей,
И превыше всех, над ними
Незакатная звезда,
Чье потом запомнишь имя
Навсегда ты, навсегда.
Пить вино не будешь с другом
За беседой у огня,
Не сожмет твоя подпруга
Непокорного коня,
Безрассудочно и смело
Ты не схватишься за меч,
А стареющее тело
Будешь бережно беречь,
Ничему уже не веря
В мире страшном и пустом, —
Постучится в эти двери
Смерть тогда своим крылом.

1938

«Поедем, корчмарочка, к нам на тихий Дон.»

Казачья песня.

Ах, не целуй меня ты снова,
Опять своей не называй,
От моего родного крова
Не уводи, не отрывай.
Тебе мой двор уныл и тесен,
Но, Боже мой, как страшно мне
Поверить зову этих песен,
С тобой уехать на коне.
Бери любовь мою в подарок,
Как брал ее ты у других,
Тобой загубленных корчмарок
Среди ночлегов кочевых.
Тебя потом я вспомню с плачем,
Слезой горючей изойду;
Но за твоей судьбой казачьей
Я не пойду, я не пойду.

1938

Над весенней водой, над затонами,
Над простором казачьей земли,
Точно войско Донское, — колоннами
Пролетали вчера журавли.
Пролетая печально курлыкали,
Был далек их подоблачный шлях.
Горемыками горе размыкали
Казаки в чужедальних краях.

1938

Я знаю, не будет иначе.
Всему свой черед и пора.
Не вскрикнет никто, не заплачет,
Когда постучусь у двора.
Чужая на выгоне хата,
Бурьян на упавшем плетне,
Да отблеск степного заката,
Застывший в убогом окне.
И скажет негромко и сухо,
Что здесь мне нельзя ночевать
В лохмотьях босая старуха,
Меня не узнавшая мать.

1930

Ты с каждым годом мне дороже,
Ты с каждым годом мне родней,—
Ты никогда понять не сможешь
Любви безвыходной моей.
Ты не оценишь эту нежность,
Названия которой нет,
Всю обреченность, безнадежность
Моих однообразных лет,
Ты обрекла меня на муку, —
Но буду славить вновь и вновь
Я нашу страшную разлуку,
Неразделенную любовь.

1938

СТАРЫЙ ГОРОД

На солнце, в мартовских садах,
Еще сырых и обнаженных,
Сидят на постланных коврах
Принарядившиеся жены.
Последний лед в реке идет
И солнце греет плечи жарко;
Старшинским женам мед несет
Ясырка — пленная татарка.
Весь город ждет и жены ждут,
Когда с раската грянет пушка,
Но в ожиданьи там и тут
Гуляет пенистая кружка.
А старики все у реки
Глядят толпой на половодье, —
Из под Азова казаки
С добычей приплывут сегодня.
Моя река, мой край родной,
Моих прабабок эта сказка,
И этот ветер голубой
Средневекового Черкасска.
1938

Не дано никакого мне срока, —
Вообще, ничего не дано.
Порыжела от зноя толока,
Одиноко я еду давно.
Здравствуй, горькая радость возврата,
Возвращенная мне, наконец,
Эта степь, эта дикая мята,
Задурманивший сердце чебрец.
Здравствуй, грусть опоздавших наследий,
Недалекий последний мой стан:
На закатной тускнеющей меди
Одинокий, высокий курган!
1938

Звенит, как встарь, над Манычем осока,
В степях Хопра свистит седой ковыль,
И поднимает густо и высоко
Горячий ветер розовую пыль.
Нет никого теперь в моей пустыне,
Нет, никого уже мне не догнать.
Казачьи кости в голубой полыни
Не в силах я, увидя, опознать.
Ни встреч, ни ожидающих казачек:
Который день — станицы ни одной.
Ах, как тоскливо этот чибис плачет
И все летит, кружася, надо мной.
Спешит, спешит мой конь, изнемогая.
Моя судьба, как серна, в тороках, —
Последняя дорога, роковая —
Неезженный тысячелетний шлях.
1938

ИЗ ПОЭМЫ «СОН»

… … … … … … … … … … … …

... Но страшный призрак катастрофы
Уже стучится у дверей, —
Опять знакомый путь Голгофы
Далекой юности моей.
Во тьме ползущие обозы,
Прощанье ночью у крыльца
И слезы, сдержанные слезы
Всегда веселого отца.
Опять разлука, и погони,
И чьи то трупы на снегу
И эти загнанные кони
На обреченном берегу.
Я снова скроюсь в буераки,
В какой нибудь бирючий кут,
И там меня в неравной драке
Опять мучительно убьют.
1938

Осыпается сад золотой,
Затуманился день голубой,
За окном твоим черную ель
Замела золотая метель.
Ты все смотришь на листьев полет,
Ты все веришь, что сын твой придет,
Возвратится из странствий — и вот
У твоих постучится ворот.
1938

Что за глупая затея
Доверяться ворожбе,
Что расскажет ворожея
Обо мне и о тебе?
Что она еще предскажет,
Если вдруг, — как мы вдвоем, —
Дама пик случайно ляжет
Рядом с этим королем.
Иль во тьме кофейной гущи
Распознаешь ты меня
В день последний, в день грядущий
В пекле адского огня.
Плакать рано, но поплачь-ка
Ты над этой ворожбой,
Моя милая казачка,
Черноокий ангел мой.
1938

Откуда этот непонятный страх
В твоих прекрасно сделанных стихах,
И эта вечная трагическая твердь,
И, вечно с ней рифмуемая, смерть,
И этих ангелов испуганный полет,
И это сердце хладное, как лед?
— Иль не пришла еще твоя пора
И продолжается унылая игра...
1938

Опять над синью этих вод,
Таких прозрачных и студеных,
Порхает листьев хоровод,
Совсем по-летнему зеленых.
Еще не осень; но злодей —
Восточный ветер рвет все листья,
И зори стали холодней
И продолжительней и мглистей.
А в полдень солнце горячо;
Взлетают грузно перепелки
И отдает слегка в плечо,
Чудесный бой моей двухстволки.
Еще не осень; но уже
В дыму лежит моя станица
И, возвращаясь по меже,
Теперь мне надо торопиться.
И птицы больше не поют
Над опустевшими полями
И по осеннему уют
Царит в столовой вечерами.

1938

Опять весенний ветер
И яблони в цвету,
Опять я не заметил,
Что лишний час иду,
Кружу в знакомом поле
Не попаду домой, —
Опять я пьян от воли,
От дали голубой.
К чему воспоминанья,
Черед минувших дней,
Скитанья и страданья
Всей юности моей,
Ненужные сомненья,
Мученья без конца?
В душе весна, да пенье
Веселого скворца.
1938

О, как нам этой жизни мало,
Как быстро катятся года.
Еще одна звезда упала,
Сияв над нами, отсияла,
Не засияет никогда.
Но береги наш дар случайный,
Идя с другим на брачный пир,
Возвышенный, необычайный,
Почти неощутимый, тайный, —
Лишь нам двоим доступный мир.
1938

ПОГОСТ

Марии Волковой.

1.

Своей судьбе всегда покорный,
Я, даже в дни жестоких бед,
Не мог в стихах прославить черный, —
Любимый твой, — печальный цвет.
В часы бессмысленных крушений
Моих стремительных надежд,
Меня нераз пугали тени
И шорох траурных одежд;
Я ждал визита черной гостьи,
Сгущалась тьма вокруг меня,
Во тьме мерцали чьи то кости
Мерцаньем адского огня;
Но снова музы голос милый
Меня из мрака вызывал,
Провал зияющей могилы
Травою снова зарастал,
И, зову нежному подвластный,
Я славил вновь сиянье звезд,
И светлый день, и вечер ясный
И зеленеющий погост.

2.

Ужели у края могилы
Познаю в предсмертной тиши
Всю немощь растраченной силы,
Холодную праздность души?
Ужели у самого гроба,
Расплатою прожитых дней,
Мне будет унылая злоба
На этих живущих людей,
На краткое счастье земное,
На это, когда то мое,
Веселое и молодое,
Чужое теперь, бытие?
О, нет! И в последние годы
Развею кощунственный страх
Пред вечным сияньем природы,
Меня обращающей в прах.

3.

Нет, — никто еще так не любил,
Никому еще так не казалась
Жизнерадостна зелень могил,
Мимолетна земная усталость.
Ты вернулась опять, и опять
Засияла звезда у предела.
Я не знаю куда мне девать
Это счастье и что мне с ним делать.
1939

Благословен час, когда
мы встречаем поэта
Пушкин

Брат дервиша и пророка,
Да хранит тебя Аллах,
К нам пришедший одиноко,
С вещим словом на устах.
Одинок в своем ты счастье
И в несчастье ты один, —
Целый мир тебе подвластен
Одинокий властелин;
Целый мир твое жилище;
Но влечет тебя Кавказ, —
Сердце знает, сердце ищет,
Сердце любит только раз.
Жизнь все лучше, все короче.
Для нежданного конца
Бережет судьба кусочек
Смертоносного свинца.
Но сегодня в дымной сакле
Беззаботен твой привал.
Ночевать в горах не так-ли
Ты на севере мечтал?
Мы простимся на рассвете,
Поклонюсь тебе я вслед, —
Счастлив тот, кого ты встретил,
Кто узнал тебя, поэт.
1939

Еще твой мир и мудр и прост,
Еще легко его дыханье;
Вечерних зорь, полнощных звезд
Еще незыблемо сиянье;
Еще сменяет ночь рассвет,
Полдневный свет еще ликует
И слово краткое — поэт
Тебя по старому волнует.
А ты, как Божий мир проста,
А ты ясна, как песни эти.
Ах, без любви, как без креста,
Нельзя прожить на этом свете.
1939

С каждым годом все лучше и лучше
Эти ночи весною без сна,
С каждым годом настойчивей учит
Непонятному счастью весна.
Все скупее, вернее и проще
Нахожу для стихов я слова;
Веселее зеленые рощи,
Зеленее за ними трава,
Голубее высокое небо,
Все короче положенный срок.
О, как вкусен насущного хлеба
С каждым годом все худший кусок.
1939

ГОГОЛЬ

Поднимал все выше ты и выше
Свой бунчук, зовя ко мне мальчат,
Однолеток уличных мальчишек,
Жаждущих сражений казачат.
И в наш сад за низкую ограду
Уводил меня ты и гостей
На кровопролитную осаду
Неприступных польских крепостей.
Снежный прах летел в саду над нами,
Мы дралися из последних сил.
Детскими моими снами
Ты легко потом руководил.
По ночам внезапно страшный запах
Гари наполнял наш дом,
И меня — наследника Остапа —
Распинали ляхи над костром;
Но еще не мог в страданьи диком,
Как Остап терпеть я до конца
И будил своим постыдным криком
Безмятежно спящего отца.
Кончились мальчишеские драки;
Ты подвел, немедля, мне коня:

С казаками в конные атаки
Бросил, не задумавшись, меня.
Полюбить заставил бездорожье,
Полюбить заставил навсегда
Новое донское Запорожье,
Юность опалившие года,
Мне до смерти памятные грозы.
Позже, в Севастопольском порту,
Ты сурово вытер мои слезы
И со мной простился на борту
Корабля плывущего в изгнанье,
Корабля плывущего на юг.
Ты мне подарил воспоминанье,
С детства неразлучный друг,
Память подарил такую,
Без которой невозможно жить.
По тебе я все еще тоскую,
Не могу тоску свою запить,
Не могу никак угомониться
И поверить просто, без обид,
Что любая маленькая птица
Через Днепр легко перелетит.

1939

1914 ГОД

Казаков казачки проводили,
Казаки простились с Тихим Доном.
Разве мы — их дети — позабыли
Как гудел набат тревожным звоном?
Казаки скакали, тесно стремя
Прижимая к стремени соседа.
Разве не казалась в это время
Неизбежной близкая победа?
О, незабываемое лето!
Разве не тюрьмой была станица
Для меня и бедных малолеток,
Опоздавших во время родиться?
1939

ПОДМАСТЕРЬЯ

И бумага, и медные доски,
И перо, и тяжелый резец,
И, подвластный тебе, его плоский,
Косо срезанный острый конец...
Подмастерья мы оба! Но счастья
Мастерства ожидали не раз,
И Господь, снисходительный Мастер,
Может быть, и посмотрит на нас.
1939

ПОХОД

Николаю Евсееву

Как в страшное время Батыя,
Опять породнимся с огнем.
Но, войско, тебе не впервые
Прощаться с родным куренем!
Не дрогнув, станицы разрушить,
Разрушить станицы и сжечь, —
Нам надо лишь вольные души,
Лишь сердце казачье сберечь;
Еще уцелевшие силы, —
Живых казаков сохранять, —
Не дрогнув, родные могилы
С родною землею сравнять.
Не здесь — на станичном погосте,
Под мирною сенью крестов,
Лежат драгоценные кости
Погибших в боях казаков;
Не здесь сохранялись святыни,
Святыни хранились вдали:
Пучек ковыля, да полыни,
Щепотка казачьей земли.
Все бросить, лишь взять молодаек.
Идем в азиатский пустырь —

За Волгу, за Волгу — на Яик,
И дальше, потом — на Сибирь.
Нет седел, садитесь охлюпкой, —
Дорогою седла найдем.
Тебе ли, родная голубка,
Впервые справляться с конем?
Тебе ли, казачка, тебе ли
Душою смущаться в огне?
Качала дитя в колыбели,
Теперь — покачай на коне!
За Волгу, за Волгу — к просторам
Почти неоткрытых земель.
Горами, пустынями, бором,
Сквозь бури, и зной и метель,
Дойдем, не считая потери,
На третий ли, пятый ли год.
Не будем мы временем мерить
Последний казачий исход.
Дойдем! Семиречье, Трехречье —
Истоки неведомых рек...
Расправя широкие плечи,
Берись за топор, дровосек;
За плуг и за косы беритесь, —
Кохайте и ширьте поля;
С молитвой трудитесь, крепитесь, —
Не даром дается земля —
Высокая милость Господня,
Казачий престол Покрова;

Заступник Никола-Угодник
Услышит казачьи слова.
Не даром то время настанет,
Когда, соберясь у реки,
На новом станичном майдане
Опять зашумят казаки.
И мельницы встанут над яром,
И лодки в реке заснуют, —
Не даром дается, не даром,
Привычный станичный уют.
Растите, мужайте, станицы,
Старинною песней звеня;
Веди казаку, молодица,
Для новых походов коня,
Для новых набегов в пустыне,
В глухой азиатской дали...

О, горечь задонской полыни,
Щепотка казачьей земли!
Иль сердце мое раскололось?
Нет — сердце стучит и стучит.
Отчизна, не твой ли я голос
Услышал в парижской ночи?
1939

ПОКРОВ

Эту землю снова и снова
Поливала горячая кровь.
Ты стояла на башне Азова
Меж встречающих смерть казаков.
И на ранней заре, средь тумана,
Как молитва звучали слова:
За Христа, за святого Ивана,
За казачий престол Покрова,
За свободу родную, как ветер,
За простую степную любовь,
И за всех православных на свете
И за свой прародительский кров.
Несмолкало церковное пенье;
Бушевал за спиною пожар;
Со стены ты кидала каменья
В недалеких уже янычар
И хлестала кипящей смолою,
Обжигаясь сама, и крича...
Дикий ветер гулял над тобою
И по братски касался плеча:
За святого Ивана, за волю,
За казачью любовь навсегда!..
Отступала, бежала по полю
И тонула на взморье орда.
Точно пьяная ты оглянулась, —
Твой сосед был уродлив и груб;
Но ты смело губами коснулась
Его черных запекшихся губ.
1940

ПИЛИГРИМ

Мне сам Господь налил чернила
И приказал стихи писать.
Я славил все, что сердцу мило,
Я не боялся умирать,
Любить и верить не боялся,
И все настойчивей влюблялся
В свое земное бытие.
О, счастье верное мое!
Равно мне дорог пир и тризна, —
Весь Божий мир — моя отчизна!
Но просветленная любовь
К земле досталась мне не даром —
Господь разрушил отчий кров,
Испепелил мой край пожаром,
Увел на смерть отца и мать,
Не указав мне их могилы,
Заставил все перестрадать,
И вот, мои проверя силы,
Сказал: «иди сквозь гарь и дым,
Сквозь кровь, сквозь муки и страданья,
Навек бездомный пилигрим
В свои далекие скитанья,
Иди, мой верный раб, и пой
О Божьей власти над тобой».

1940

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.
1940

Какой мой долг пред тобой, когда
Не год, не два, а долгие года, —
С рождения, быть может, мы с тобой
Обручены таинственной судьбой.
Как не любить друг друга нам, когда
Не виделись с тобой мы никогда.
Ах, не любовь! Тому названья нет,
Что нас роднит...
1940

Мне приснилось побержье,
Лед и снег на берегу,
Одинокий след медвежий
На нетронутом снегу,
Неживое колыханье
Ледяных тяжелых вод
И полярного сиянья
Разноцветный небосвод.
О, как холодно сияла
Надо мною вышина;
О, как сердце мне сжимала
Ледяная тишина.
И, уже лишенный речи,
На снегу я начертал:
Здесь искал с тобою встречи
Тот, кто встречу обещал.
1940

Не хочешь петь — тогда молчи!
Давно ль ты стала недотрога?
Но, ради Бога, не учи
Безукоризненности слога
В стихах, рожденных невзначай;
Их мимолетное волненье
Не прерывай; не омрачай
Потустороннее виденье.
1940

Жизнь не проста и не легка.
За спицею мелькает спица.
Уйти б на юг, и в казака
По настоящему влюбиться.
Довольно ждать, довольно лгать,
Играть самой с собою в прятки.
Нет, не уйти, а убежать,
Без сожалений и оглядки,
Туда, где весело живут,
Туда, где вольные станицы
И где не вяжут и не ткут
Своих нарядов молодицы;
Где все умеют пить и петь,
Где муж с женой пирует вместе,
Но туго скрученная плеть
Висит на самом видном месте.
Ах, Дон, Кубань — Тмутаракань!
А я в снегах здесь погибаю.
Вот Лермонтов воспел Тамань, —
А я читаю и мечтаю,
И никуда не убегу...
Твердя стихи о Диком поле,
Что знаю я и что могу,
Живя с рождения в неволе.
И мой недолгий век пройдет
В напрасном ожиданьи чуда, —
Московский снег, московский лед
Меня не выпустят отсюда.

1940

Стихом размеренным
и словом ледяным
Лермонтов

Ты пришла к моей избушке,
Постучалась у дверей, —
Увела меня с пирушки,
Отняла моих друзей;
Простодушный нрав молодки
Больше знать мне не дано, —
Поднесла ты вместо водки
Иноземное вино.
И я выпил это зелье,
Осушил стакан до дна,
Мне досталась на похмелье
Гробовая тишина...
Но твое не властно пенье
Отогнать земные сны,
Голубое дуновенье
Расцветающей весны,
И средь мрака гробового
Не внушает больше страх
Заклинающее слово
В этих ангельских устах.

1940

ЛЕГИОН

"Au paradis où vont les hommes forts
par le désert d'un long courage."

Arthur Nicolet

1.

Ты получишь обломок браслета.
Не грусти о жестокой судьбе,
Ты получишь подарок поэта,
Мой последний подарок тебе.
Дней на десять я стану всем ближе.
Моего не припомня лица,
Кто то скажет в далеком Париже,
Что не ждал он такого конца.
Ты ж в вещах моих скомканных роясь,
Сохрани, как несбывшийся сон,
Мой кавказский серебряный пояс
И в боях потемневший погон.

2.

Всегда ожидаю удачи —
В висок, непременно — в висок!
С коня упаду на горячий
Триполитанский песок.
Не даром, не даром все время
Судьба улыбалася мне:
В ноге не запуталось стремя, —
Сумел умереть на коне.

3.

Конским потом пропахла попона.
О, как крепок под нею мой сон.
Говорят, что теперь вне закона
Иностранный наш легион.
На земле, на песке, как собака,
Я случайному отдыху рад.
В лиловатом дыму бивуака
Африканский оливковый сад.
А за садом, в шатре, трехбунчужный,
С детских лет никуда не спеша,
Весь в шелках, бирюзовый, жемчужный,
Изучает Шанфара паша.
Что ему европейские сроки
И мой дважды потерянный кров?
Только строки, арабские строки
Тысячелетних стихов.

4.

Андрею Грекову.

Нам с тобой одна и та же вера
Указала дальние пути.
Одинаковый значек легионера
На твоей и на моей груди.
Все равно, куда судьба не кинет,
Нам до гроба будет сниться сон:
В розоватом мареве пустыни
Под ружьем стоящий легион.

5.

Она стояла у колодца,
Смотрела молча на меня,
Ждала пока мой конь напьется,
Потом погладила коня;
Дала ему каких то зерен,
(Я видел только блеск колец)
И стал послушен и покорен
Мой варварийский жеребец.
Что мне до этой бедуинки,
Ее пустынной красоты?
Она дала мне из корзинки
Понюхать смятые цветы.
О, этот жест простой и ловкий!
Я помню горечь на устах,
Да синеву татуировки
На темно бронзовых ногах.

6.

Не в разукрашенных шатрах
Меня привел к тебе Аллах,
Не с изумрудами поднос
Тебе в подарок я принес,
И не ковры и не шелка
Твоя погладила рука,
Когда в пустыне, на ветру,
Ты предо мной сняла чадру.
На свете не было людей
Меня бездомней и бедней.
Солдатский плащ, — вот все, что смог
Я положить тебе у ног.

7.

Над полумесяцем сияла
Магометанская звезда.
Ты этим вечером плясала,
Как не плясала никогда;
Красою дикою блистая,
Моими бусами звеня,
Кружилась ты полунагая
И не глядела на меня.
А я все ждал. Пустая фляга
Давно валялась у костра.
Смотри, испытанный бродяга,
Не затянулась ли игра?
Смотри, поэт, пока есть время,
Не жди бесславного конца.
Араб покорно держит стремя, —
Садись скорей на жеребца.

8.

Вся в кольцах, в подвесках, запястьях,
Под сенью шатра, на песке,
Что ты мне щебечешь о счастьи
На птичьем своем языке?
Как все здесь по-Божески просто:
Три пальмы в закатном огне
И берберийский подросток,
В Европе приснившийся мне.

9.

Звенит надо мною цикада —
Веселый арабский фурзит:
«Под сенью туниского сада
Тебе ничего не грозит.
Какая война угрожает
Покою столетних олив?»
Веселый фурзит напевает
Знакомый арабский мотив.
Ах, нет — не поет, не стрекочет —
Звенит надо мною фурзит.
Звенят многозвездные ночи
И месяц двурогий звенит.
«Не знаем откуда и чей ты,
Но будь нам начальник и брат»,
Звенят африканские флейты
Моих темнокожих солдат.

10.

На перекрестке трех дорог
Араб нашел воловий рог
И мне принес его в подарок.
Был вечер нестерпимо жарок,
И я наполнил рог вином
И выпить дал его со льдом
Арабу — нищему.
Отныне
Мы породнились с ним в пустыне
И братом стал мне Абдуллах.
Велик Господь! Велик Аллах!

11.

Снова приступ желтой лихорадки,
Снова паруса моей палатки,
Белые, как лебедь, паруса
Уплывают прямо в небеса.
И опять в неизъяснимом счастьи
Я держусь за парусные снасти
И плыву под парусом туда,
Где горит Полярная звезда.
Там шумят прохладные дубравы,
Там росой обрызганные травы
И по озеру студеных вод
Ковшик, колыхаяся, плывет.
Наконец то я смогу напиться!
Стоит лишь немного наклониться
И схватить дрожащею рукой
Этот самый ковшик расписной.
Но веселый ковшик не дается...
Снова парус надо мною рвется...
    Строевое седло в головах.
    Африканский песок на зубах,

12.

Не нужна мне другая могила!
Неподвижно лежу на траве.
Одинокая тучка проплыла
Надо мной высоко в синеве.
Бой затих. И никто не заметил
Как сияли у тучки края,
Как прощалась со всеми на свете
Отлетавшая нежность моя.

13.

Мои арабы на коране
Клялись меня не выдавать;
Как Грибоедов в Тегеране
Не собираюсь погибать.
Лежит наш путь в стране восстаний.
Нас сорок девять. Мы одни.
И в нашем отдаленном стане
Горят беспечные огни.
Умолк предсмертный крик верблюда.
Трещит костер. Шуршит песок.
Беру с дымящегося блюда
Мне предназначенный кусок.
К ногам горячий жир стекает, —
Не ел так вкусно никогда!
Все так же счастливо сияет
Моя вечерняя звезда.
А завтра в путь. Услышу бранный,
Давно забытый, шум и крик.
Вокруг меня звучит гортанный,
Мне в детстве снившийся, язык.
О, жизнь моя! О, жизнь земная!
Благодарю за все тебя,
Навеки все запоминая
И все возвышенно любя.

14.

Князю Н. Н. Оболенскому.

Нам все равно, в какой стране
Сметать народное восстанье,
И нет в других, как нет во мне
Ни жалости, ни состраданья.
Вести учет: в каком году, —
Для нас ненужная обуза;
И вот, в пустыне, как в аду,
Идем на возмущенных друзов.
Семнадцативековый срок
Прошел, не торопясь, по миру;
Все так же небо и песок
Глядят беспечно на Пальмиру,
Среди разрушенных колонн.
Но уцелевшие колонны,
Наш Иностранный легион —
Наследник римских легионов.

15.

Мне приснились туареги
На верблюдах и в чадрах,
Уходящие в набеги
В дымно-розовых песках.
И опять восторгом жгучим
Преисполнилась душа.
Где мой дом? И где мне лучше'
Жизнь повсюду хороша!
И качаясь на верблюде,
Пел я в жаркой полумгле
О великом Божьем чуде:
О любви ко всей земле.

16.

Стерегла нас страшная беда:
Заблудившись, умирали мы от жажды.
Самолеты пролетали дважды,
Не заметили, — не сбросили нам льда.
Мы плашмя лежали на песке,
С нами было только два верблюда.
Мы уже не ожидали чуда,
Смерть была от нас на волоске.
Засыпал нас розовый песок;
Но мне снились астраханские арбузы
И звучал, не умолкая, музы,
Как ручей, веселый голосок.
И один из всех я уцелел.
Как и почему? Не знаю.
Я очнулся в караван-сарае,
Где дервиш о Магомете пел.
С той поры я смерти не хочу;
Но и не боюсь с ней встречи:
Перед смертью я верблюжью пил мочу
И запить теперь ее мне нечем.

17.

Ни весельем своим, ни угрозами
Не помочь вам пустынной тоске.
Только черное-черное с розовым:
Бедуинский шатер на песке.
И напрасно роняете слезы вы, —
В черной Африке видел я мост
Из громадных, дрожащих, розовых,
Никогда здесь невиданных звезд.

18.

Умирал марокканский сирокко,
Насыпая последний бурхан;
Загоралась звезда одиноко,
На восток уходил караван.
А мы пили и больше молчали
У костра при неверном огне,
Нам казалось, что нас вспоминали
И жалели в далекой стране,
Нам казалось: звенели мониста
За палаткой, где было темно...
И мы звали тогда гармониста
И полней наливали вино.
Он играл нам, — простой итальянец, —
Что теперь мы забыты судьбой
И что каждый из нас иностранец,
Но навеки друг другу родной,
И никто нас уже не жалеет,
И родная страна далека,
И тоску нашу ветер развеет,
Как развеял вчера облака,
И у каждого путь одинаков
В этом выжженном Богом краю:
Беззаботная жизнь бивуаков,
Бесшабашная гибель в бою.
И мы с жизнью прощались заране
И Господь все грехи нам прощал...
Так играть, как играл Фабиани,
В Легионе никто не играл.

19.

Вечерело. Убирали трапы.
Затихали провожавших голоса.
Пароход наш уходил на Запад, —
Прямо в золотые небеса.
Грохотали якорные цепи.
Чайки пролетали, белизной
Мне напоминающие кэпи
Всадников, простившихся со мной.
Закипала за кормою пена.
Наростала медленная грусть.
Африка! К причалам Карфагена
Никогда я больше не вернусь.
Африка, — неведомые тропы, —
Никогда не возвращусь к тебе!
Снова стану пленником Европы
В общечеловеческой судьбе.
Над золою Золушка хлопочет,
Чахнет над богатствами Кащей,
И никто из них еще не хочет
Поменяться участью своей.

20.

Я стою на приподнятом трапе
Корабля. Изнуряющий зной.
И муза, в соломенной шляпе,
Все не хочет проститься со мной.
1940-45

ПРОВАНС

1.

Calo-te, moun cor, calo-te!
Mistral

Успокойся, сердце, успокойся!
В авиньонской католической ночи
Русскою тоской не беспокойся,
Не стучи так громко, не стучи.
Я живу среди солдат без дела,
Ошалев от скуки и вина.
Вот уже и третья отшумела
Для меня несчастная война.
Все мы люди, все мы человеки:
Смерть прийдет — спеши иль не спеши;
Но зачем же мне дано навеки
Это странное волнение души,
Это непонятное волненье
На прохладных ронских берегах, —
Все еще прерывистое пенье
В только что написанных стихах.

2.

La terro maire, la Naturo,
Nourris toujours sa pourtaduro
Dou meme la.

Mistral.

Меня с тобой земля вскормила
Одним и тем же молоком,
И мне близка твоя могила,
Твой мирный провансальский дом.
Шумят оливковые рощи
И Рона быстрая шумит.
Учись писать, как можно проще,
Твоя земля мне говорит.
И ветер твой, — рукой поэта, —
Так нежно гладит по лицу.
Вот и мое подходит лето
Уже к законному концу.
Не все еще вокруг угасло
Для жизни бурной; но пора
И мне оливковое масло
Собрать для Божьего двора.

1940

ЖАЛОСТЬ

Евгении де Жерве.

1.

О, моя стихотворная шалость —
Шаловливая легкость пера!
Но зачем это терпкая жалость
Так настойчива и так остра?
О, моя благосклонная сила —
Первобытная к людям любовь!
Но зачем голубые чернила
Превращаются в черную кровь?
Почему я не сплю до рассвета,
Почему не пишу по ночам?
Или страшное бремя поэта
Стало вдруг не по этим плечам?

2.

Каждый раз, в один и тот же час,
На мосту, среди моей дороги
Я встречаю траурные дроги.
Спотыкаясь, конь едва бредет
И никто за гробом не идет.
Над рекой туманится рассвет.
Я спешу... Мне тоже дела нет
До того, кто в нищенском гробу,
Без креста, без венчика на лбу,
Одиноко едет на погост.
Божий мир и благостен и прост,
И без нас Господь благословил
Свежий прах безыменных могил.
1940

Ты мне дана, как Божий дар,
Ты мне дана, как вдохновенье,
Как ворожба, как наслажденья
Испепеляющий пожар.
И я опять легко пою
И не ищу в плену объятий
Благословений и проклятий
На долю светлую свою.
1941

Нам этой ночи было мало.
И с каждым часом все жадней
Меня ты снова целовала,
Искала жадности моей.
Едва на миг во мраке душном
Мы забывались полусном,
Как вновь я был твоим послушным
И верноподданным рабом.
И только утром, на прощанье,
Я, как прозревший, в первый раз
Увидел синее сиянье
Твоих всегда невинных глаз.
1941

АМУЛЕТ

Д. И. Ознобишину.

Во сто крат дороже злата,
Драгоценней, чем алмаз,
Мне подаренный когда то,
Мной испытанный не раз
В дни тяжелого сомненья
Этот маленький — с вершок —
Трехсотлетнего жень-шеня
Желтоватый корешок;
Тайной властью талисмана,
Колдовством подземных сил
От измены и обмана
Не меня ль он оградил?
Заменил мне все богатства,
Указал в ночи порог;
От притворства, от коварства
И от злобы оберег;
На путях моих скитаний,
В жизни мирной и в боях,
Он подсказывал заране
Кто мне друг и кто мне враг,
И, ведя в объятья к другу
На пирушку у огня,
Мимолетную подругу
Делал музой для меня.

1941

Г. Д. Каргальскому.

Устал твой конь. Не помогает плеть.
Ты жить умел, — сумей же умереть.
Слезай с коня и отпусти его,
Испытанного друга своего;
Но от тебя твой конь не отойдет
И первым на дороге упадет.
Тогда, под посвист близкого огня,
Укройся за убитого коня,
Ложись плотней в расхлябанную грязь,
И медленно, не торопясь,
Выцеливая тщательно врагов,
Стреляй! Средь затуманенных лугов,
На древнем шляхе, осенью глухой
Начнется твой неравный бой.
Нет никого, кто б мог тебе помочь
И далека спасительная ночь;
Из первой раны кровь не вытирай, —
Их будет много — время не теряй;
От верных пуль не скроются враги,
Последнюю — себе побереги.
И вот, когда уже полуслепой,
Залитый кровью, но еще живой,
Почуешь ты приблизившийся срок,
Взведи неподдающийся курок:
Над чёрным дулом наклонись,
В последний раз перекрестись.
1941

Постучится в эти двери нищета,
С нищетою постучится доброта;
Две сестры — два Божьих близнеца —
Будут ждать тебя у этого крыльца.
Все, что было раньше — позабудь!
Собирайся же в последний путь,
Выходи, неопасаясь, на крыльцо:
Знают две сестры тебя в лицо.
Даст тебе свой посох доброта
И суму наденет нищета.
Выведут к просторам всех дорог
И, прощаясь, скажут: «ты убог,
Но теперь ты Господом храним,
Лишь Ему подвластный пилигрим».
1941

С тяжелым напряженьем и трудом,
Почти в отчаяньи, в мучительном сомненьи,
Ты ищешь то, что я найду потом
В своем случайном вдохновеньи, —
Не на яву, а в том счастливом сне,
Когда я вдруг заговорю стихами,
И сам Господь в стихах ответит мне;
Но будет тайным разговор меж нами
1941

ГРАЖДАНСКИЕ СТИХИ

1.

Она прийдет — жестокая расплата
За праздность наших европейских лет.
И не проси пощады у возврата, —
Забывшим родину — пощады нет!
Пощады нет тому, кто для забавы
Иль мести собирается туда,
Где призрак возрождающейся славы
Потребует и крови и труда,
Потребует любви, самозабвенья
Для родины и смерти для врага;
Не для прогулки, не для наслажденья
Нас ждут к себе родные берега.
Прощайся же с Европою, прощайся!
Похорони бесплодные года;
Но к русской нежности вернуться не пытайся,
Боясь смерти, крови и труда.

2.

О, этот вид родительского крова!
Заросший двор. Поваленный плетень.
Но помогать я никого чужого
Не позову в разрушенный курень.
Не перед кем не стану на колени
Для блага мимолетных дней, —

Боюсь суда грядущих поколений,
Боюсь суда и совести моей.
Над нами Бог. Ему подвластно время.
Мою тоску и веру и любовь
Еще припомнит молодое племя
Немногих уцелевших казаков.

3.

Пусть жизнь у каждого своя,
Но нас роднит одна дорога.
В твои края, в мои края
Она ведет во имя Бога,
Во имя дедов и отцов
И нашей юности во имя.
Мы повторяем вновь и вновь
Сияющее, как любовь,
Незабываемое имя
Страны, вскормившей нас с тобой,
Страны навеки нам родной.
В холодном сумраке Европы
Мы жадно ищем наши тропы,
Возврата к ней — и только к ней —
Единственной на чуждом мире:
К родным полям твоей Сибири,
К родным ветрам моих степей.

4.

Так кто же я? Счастливый странник,
Хранимый Господом певец
Иль чернью проклятый изгнанник,
Свой край покинувший беглец?

И почему мне нет иного
Пути средь множества путей,
И нет на свете лучше слова,
Чем имя родины моей?
Так что же мне? Почет иль плаха,
И чей то запоздалый плач,
Когда в толпу швырнет сразмаха
Вот эту голову палач.
Ах, все равно! Над новой кровью
Кружиться станет воронье;
Но с прежней верой и любовью
Прийду я в царствие Твое.

5.

Не все, не все проходит в жизни мимо.
Окончилась беспечная пора.
Опять в степи вдыхаю запах дыма,
Ночуя у случайного костра.
Не в сновиденьях, нет — теперь воочью,
В родном краю курганов и ветров,
Наедине с моей осенней ночью
Я все приял и я на все готов.
Но голос прошлого на родине невнятен,
Родимый край от многого отвык,
И собеседнику обидно непонятен
Мой слишком русский, правильный язык.
Чужой, чужой — почти что иностранец,
Мечтающий о благостном конце,
И от костра пылающий румянец
Не возвратит румянца на лице.

1941-42

Куда ни посмотришь — все наше.
На мельницу едет казак.
И весело крыльями машет
Ему за станицей ветряк.
Ах, ветер осенний, подуй-ка.
Над голою степью поплачь!
Стекает пшеничная струйка
Под жернов. Горячий калач
Потом испечет молодайка:
«А, ну-ка скорей, детвора!»
И легкая детская стайка
Влетит, щебеча, со двора.
Вкуснее всего не горбушка,
А нижний хрустящий запек;
Его завоюет Петрушка,
Любимый отцовский сынок.
Поспорят, повздорят немножко,
И снова на воздух, к полям.
Достанется хлебная крошка
Голодным друзьям — воробьям.

1941

СЕЧЬ

Украина плачет.
Т. Шевченко.

Трещат жидовские шинки.
Гуляет Сечь. Держитесь ляхи!
Сегодня — завтра казаки
Пропьют последние рубахи.
Кто на Сечи теперь не пьян.
Но кто посмеет пьяных трогать?
Свой лучший выпачкал жупан
Сам атаман в колесный деготь.
Хмельней вино для казака,
Когда близка его дорога
И смерть для каждого легка
Во имя вольности и Бога.
В поход, в поход! Гуляет голь,
Гуляют старые старшины.
В поход — за слезы и за боль
Порабощенной Украины.
За честь поруганной страны
Любой казак умрет, как витязь.
Ясновельможные паны,
Готовьтесь к бою — и держитесь!

1941

Прислушайся, ладони положив
Ко мне на грудь. Прислушайся в смущеньи.
В прерывистом сердцебиеньи
Какой тебе почудится мотив?
Уловишь ли потусторонний зов,
Господню власть почувствуешь над нами?
Иль только ощутишь холодными руками
Мою горячую взволнованную кровь.
1942

Который день печальный снег кружится.
Уже не дни, а, кажется, года
Погребены в снегу — и никогда
Над нами этот снег не прекратится.
Века, века погребены в снегах,
Столетние сугробы на пороге,
В курной избе Владимир Мономах
Все ждет на юг накатанной дороги,
И вместе с ним потомки Калиты
Конца зимы веками ожидают.
А снег идет. Морозные цветы
Пышнее на окошках расцветают.
А снег идет. Мороз звенит, как медь.
Какие там удобные дороги!
Столетьями Россия, как медведь,
Лежит в своей нетронутой берлоге.
1942

Можно жить еще на свете,
Если видишь небеса,
Если слышишь на рассвете
Птиц веселых голоса,
Если все дороги правы
И зовет тебя земля
Под тенистые дубравы,
На просторные поля.

Можешь ждать в тревоге тайной,
Что к тебе вернется вновь
Гость желанный, гость случайный —
Беззаботная любовь,
Если снова за стаканом
Ты в кругу своих друзей
Веришь весело и пьяно
Прошлой юности своей.

Можно смерти не бояться
Под губительным огнем,
Если можешь управляться
С необъезженным конем,
Если Бог с тобою вместе
Был и будет впереди,
Если цел нательный крестик
На простреленной груди.
1942

Закурилась туманом левада,
Журавли улетели на юг, —
Ничего мне на свете не надо,
Мой далекий единственный друг.
Только старый курень у оврага,
Побуревший соломенный кров,
Да мой стол, на котором бумага
Ожидает последних стихов.
1943

ЭЛЛАДА

1.

Не противься неравному браку,
Покидая родительский кров.
Ты не знаешь, что слышал оракул
В грозном шуме священных дубов,
Что ему предсказало журчанье
Протекавшего рядом ручья;
Не кляни эту жизнь на прощанье,
При отъезде сквозь слезы крича,
Что в позоре твоем был свободен,
Одержимый богами отец,
И за борт у откинутых сходен
Не бросай материнских колец.
Уплывала в тумане Эллада.
Одинокое горе твое
Проводила Афина-Паллада,
Приподняв золотое копье.

2.

Расцветали персидские розы
И шумели фонтаны в садах,
Скоро высохли девичьи слезы
На твоих потемневших глазах.
Ты лежала в объятиях Ксеркса,
Целовала его не любя...
О, как билось царское сердце!
Но не билось оно у тебя.
Ржали кони, ревели верблюды
И трубили победно слоны.
У богов не просила ты чуда
Для своей обреченной страны.
И ночами на брачной постели
Не просила царя ни о чем,
А развалины Аттики тлели,
Догорали последним огнем.
Но пожарищ пугающий запах
Ты не слышала в душных шатрах;
Ты лежала в объятьях сатрапа
На коврах, на шелках, в жемчугах.
О, как ты в эти дни хорошела,
Ты была, как Лилит, хороша,
И покинула хладное тело
Для скитаний по миру душа.

1943

С рождения — ни веры, ни креста
С рождения — вся жизнь была пуста,
Как этот колос, легкий и пустой,
Поднявшийся над праздной бороздой.
И не пора ль его теперь сорвать,
И бросить в прах и в прахе растоптать,
Растущий без единого зерна,
Когда о хлебе молится страна.
1943

КИНЖАЛ

Лемносский бог тебя сковал.
Пушкин.

1.

Откуда он, в простой оправе,
Тебе доставшийся книжал?
В какой воинственной забаве
Он ослепительно сверкал?
Кому в часы кровавой мести
Своим возмездием служил
И с кем потом, во имя чести,
Он неразлучно подружил?
Что видел он под облаками
Кавказских гор, и почему

Своими нежными руками
Теперь привыкла ты к нему?
И отчего тебя тревожит
Кинжал, отведавший крови,
И веришь ты, что он поможет
Тебе отбиться от любви.

2.

И страшной смертью ты умрешь.
Умрешь не телом, а душою.
С тобою будет этот нож,
Тебе завещанный судьбою
На память о моей любви
И о расплате неминучей,
Моей расплате самой лучшей:
Ценою собственной крови.
И блеск холодный лезвия,
Как смертоносная змея,
Тебя отравит, заворожит,
Заворожив, заставит жить;
Но уж никто, никто не сможет
Тебя заставить полюбить.
1943

Две крови: казачьи обе;
Но донская похмельней
И в презрении и в злобе, —
В беспощадности своей;
Никогда ни в чем не каясь,
Что хотела — забрала,
Жизнь взяла, не сомневаясь,
И на волю увела
Из родительского дома
На простор и на разбой,
Чтобы стало все знакомо
В новой жизни озорной.
Над разбоем чайка плачет,
В сердце жалость и любовь,
Это тоже кровь казачья;
Но, уже, другая кровь.
Это, значит, Украина,
Мне печальней и родней:
Запорожская кручина,
Песни матери моей.
1943

•

ДИАЛОГ

«Что ты найдешь в стране печальной,
В твоей стране среди снегов?
Зачем ее холодной тайной
Твоя отравлена любовь?
Зачем ты ждешь ее ответа,
Когда ты должен быть ничей
Как этот ветер, иль как этот
Незамерзающий ручей.
Что надо жизни человечьей?
Что ищешь ты? Тебя здесь ждет
Мое вино и сыр овечий,
Домашний хлеб и дикий мед.
Живи со мною на свободе
И пей из кубка моего
За жизнь, в которой все проходит
И не проходит ничего.»
«... Я внял тебе. Внимай мне тоже
О дальней родине моей,
И знай, что нет страны моложе,
И человечней и нежней;
Что труден путь ее извечный,
Но ей нельзя с него свернуть,
Когда над ней сияет Млечный,
Единственный на свете, путь;
Когда ведет к всемирной лире,
Сквозь кровь, сквозь муки и гроба,
Ее чудеснейшая в мире
Неповторимая судьба.»
1943

Влюбленный в бой жалеть не станет
Погибших рядом с ним в бою;
Он сожаленьем не обманет
Любовь суровую свою.
В загробные не веря силы,
Стоит он, вновь готовый в бой,
У свеже-вырытой могилы
С ненаклоненной головой.
1943

Жизнь пришла суровая, простая
С черным хлебом, с каторжным трудом.
Разлетелась лира золотая
Под ее тяжелым топором.
А давно ль счастливый и влюбленный,
Был я пьян от счастья своего.
Только жар от печки раскаленной,
Только сон — и больше ничего.
1943

Как когда то над сгубленной Сечью
Горевал в своих песнях Тарас, —
Призываю любовь человечью,
Кто теперь погорюет о нас?
Но в разлуке с тобой не прощаюсь,
Мой далекий отеческий дом, —
Перед Господом не постесняюсь
Называться донским казаком.
1943

СИРКО

«Як помру, одрижьте мою
руку, то буде вам защита.»

Сирко.

По над Сечью, по над Запорожьем,
Будто лебедь, ангел пролетал, —
Он искал Сирко на свете Божьем,
Атамана мертвого искал.
С давних пор его похоронили,
Отрубивши руку, казаки —
Триста лет уже лежит в могиле
Запорожский батько без руки.
И с его отрубленной рукою
Казаки идут из боя в бой,
Дорожат как силою живою,
Трехсотлетней высохшей рукой.
Райских врат Сирку земля дороже
И лежать ему под ней легко;
Мертвецы на суд уходят Божий,
Не является один Сирко.
Бог все ждал, терпенье расточая,
Но апостол Петр уже не ждал,
И, тайком от Господа, из рая
Он на поиск ангела послал.
Пролетел тот ангел над Полтавой,
За Днепром свернул на Рог-Кривой, —
Видит — все казачество за славой
Собралось на беспощадный бой.

В поднебесьи слышится их пенье —
Песня подголоска высока —
Все на смерть идут без сожаленья,
Впереди них — мертвая рука!
Где им тут до ангельской заботы:
От родных домов одна зола!
В чистом небе реют самолеты,
Над землей — пороховая мгла.
Ангел сразу повернул на ветер,
К Чортомлыку быстро долетел,
На погосте, при вечернем свете
У кургана отдохнуть присел.
Вдруг глядит — курган могильный дышит,
Колыхается высокая трава,
И, ушам своим не веря, слышит
Из кургана громкие слова:
«Вижу я все горести и муки
От врагов в моем родном краю;
Нужен-ли я Господу — безрукий
Богомолец — в праведном раю?
Как смогу я там перекреститься,
Если нет давно моей руки,
Если с ней уже привыкли биться,
Не боясь смерти, казаки.
Сколько к Богу их уйдет сегодня,
Целыми полками на конях!
Яж прошу лишь милости Господней:
Полежать подольше мне в степях».

Взвился ангел. По дороге к раю
Над Украйной пролетает вновь,
Среди звезд вечерних обгоняя
Души убиенных казаков.
Путь далек. Увидел ангел снова
Божьи врата только поутру;
Что слыхал, — от слова и до слова, —
Передал апостолу Петру.
Петр видал и не такие виды,
Ключарем недаром послужил;
Накануне общей панихиды
О Сирке он Богу доложил.
Бог в ответ слегка развел руками,
Приказал зажечь еще свечей:
«Что ты будешь делать с казаками,
С непокорной вольницей Моей!»
1943

ТОВАРИЩ

Перегорит костер и перетлеет, —
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
Нет, -- не мученьями, страданьями и кровью --
Утратою горчайшей из утрат:
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, мой незнакомый брат.
С тобой, мой враг, под кличкою — товарищ,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того-ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за отчизну умереть?

1944

СТИХИ К ДОЧЕРИ

Над ковыльной степью веет
Жаркий ветер суховей,
И донская степь синеет
С каждым часом горячей.
И опять в полдневной сини,
Как в минувшие века,
В горьком запахе полыни
Вековечная тоска.
Знаешь ты о чем тоскует
Эта горькая полынь?
Почему тебя волнует
Эта выжженная синь?
И тебе, рожденной где-то
В европейском далеке,
Так знакомо это лето
В суховейном ветерке?
Почему счастливым звоном
Вся душа твоя полна,
Как полна широким Доном
Эта легкая волна?
Почему у перевоза
И песчанных берегов
Ты почувствуешь сквозь слезы
Дочериную любовь
И поймешь, моя родная,
Возвращаяся домой,
Что нет в мире лучше края
Чем казачий край степной.

1944

ИЗ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

1.

Не женись ты на богатой —
Выгонит из хаты;
Не женись и на убогой —
Проживешь недолго,
А женись на вольной воле —
На казачьей доле:
Как была она — такою
Будет ввек с тобою.

2.

О, Боже мой милый! Как тяжко на свете,
Как жизнь горемычна, — а хочется жить,
И хочется видеть, как солнце сияет,
И хочется слушать, как море играет,
Как пташка щебечет, как роща шумит,
Как девушка песню свою запевает...
О, Боже мой милый, как весело жить!

3.

«Молитесь, братие молитесь!
Вокруг святого Чигрина,
Как нерушимая стена,
Восстав из гроба, станет сила
Архистратига Михаила:
Покойников святая рать.
Но Украину вам спасать,
Еще живущие! Спасайте
Родную мать свою, не дайте
В руках у ката погибать!
Пожар пылает там и тут,
И некрещенными растут
Казачьи дети, а девчата
Ушли в неволю без возврата,

И гибнет юная краса,
И непокрытая коса
Стыдом сечется, ясны очи
В разлуке гаснут... Иль не хочет
Казак сестру свою спасать
И сам собрался погибать
В ярме у катов? Горе, горе!
Молитесь, дети! Страшный суд
На Украину к нам несут
Враги. Опять прольется море
Казачьей крови... Где Богдан?
Где Наливайко, Остряница?
Пора Палию пробудиться,
И где Сирко — наш атаман?
Молитесь, братья!»
                                        И святой
Поп окропил толпу водой
С крыльца церковного. Но вот
Вдруг расступается народ
И с непокрытой головой
Встал на крыльце кобзарь седой:
«Да сгинет враг! Да сгинет прочь!
Точите косы в эту ночь,
Ножи острите и со мной
Тряхнем недавней стариной!»

1944

ВДОВА

«Ты пошли Боже, тучу грозную,
Тучу грозную, громову стрелу, —
Ты разбей, разбей гробову доску,
Ты раскрой, раскрой золоту парчу:
Подыми моего друга милого».

Казачья песня.

И вышел я — безумный тать —
В грозой кипевшее ненастье,
Чтоб силой взять, уворовать
Недосягаемое счастье.
Шумел в дожде весенний сад,
Вела знакомая дорожка
Туда, где брежжил свет лампад
За ставней низкого окошка.
И ветхой ставни сняв запор,
Увидел я перед собою
Свою добычу, дерзкий вор,
Легко играющий судьбою.
Лежала юная вдова,
Перед иконами рыдая,
И слышал я ее слова,
Окно тихонько раскрывая.
«Бушуй, гроза, сильнее, чтоб
Раскрылась свежая могила

И виден стал сосновый гроб,
В котором спит теперь мой милый.
Буди его, гроза, буди!
Он сам уже проснуться хочет, —
Дыханье дай его груди,
Открой ему уста и очи.
Я четверговую свечу
Зажгла у образа Христова, —
Ударь же, гром! Сорви парчу
Потустороннего покрова!...»
И грянул гром. И я упал,
Как бы пронизанный стрелою,
И рухнул дом, и запылал,
И смерч пронесся надо мною...
1944

Я шел к тебе среди руин,
Среди дымящихся развалин.
Я шел к тебе. Я был один.
И был мой путь, как ночь печален.
Я знал, что ты еще жива,
Я звал тебя бессильным криком,
И эхо вторило едва
Моим словам во мраке диком.
Нет ничего — но сердце есть.
Нет никого — но ты со мною.
О, как я был охвачен весь
Ночною черной тишиною.
1944

КОНЬ

Конь казаку всего дороже
И ты, мой сын, им дорожи.

А. В. Туроверов (1854).

«Что, мой верный друг, не весел,
Что грустишь, моя краса?
Я в торбе тебе навесил
Золотистого овса.
Что не ешь его проворно,
А, мотая головой,
Вкусно пахнущие зерна
Рассыпаешь пред собой?
Иль меня ты, друг, не слышишь,
И заветный сахарок
Не берешь, а только дышишь
На протянутый кусок.
Не кусаешь в шутку руки,
Не балуешься со мной, —
Иль почуял день разлуки,
Мой товарищ дорогой?»
«Нет, хозяин, я не болен,
Рад служить я казаку;
Но рассеять ты не волен
Лошадиную тоску.
Для меня давно не тайна,
Что сегодня ты принес
Лишь с похмелья и случайно
Этот сахар и овес.

Обо мне ты забываешь,
Подъезжая к кабаку, —
Одного меня бросаешь,
Кинув повод на луку;
Долго жду тебя на вьюге
У заснеженных перил, —
Сколько раз мои подпруги
Отпустить ты позабыл?
А потом, хвативши водки,
Зря вихляясь на бока,
Ты меня к чужой молодке
Гонишь вскачь от кабака;
Запотелый круп дымится
В непогоде ледяной
И смеется вся станица
Над тобой и надо мной».
1944

Что мы братцы, по пустому спорим
И все делим тесные поля,
А на юге, за Каспийским морем
Зря лежит просторная земля.
Кровь застыла в нас иль обветшала
Наша переметная сума?
Здравствуй Персия! Здорово ночевала,
Полусонная богатая кума!
Запрягай тяжелые мажары,
Провожай соседей дорогих.
Серебром украшены Каджары,
А уздечки в золоте у них.
1944

СУМАРОКОВ

«О, вы — по нас идущие потомки».

Тредьяковский.

Долги одолели. Описаны книги.
Демидов грозит их продать.
А Двор глухонем. В Петербурге интриги.
Не хочет никто выручать.
Без шляпы, в сугробах, не ведая стужи,
Идет он, известный для всех.
На бархат камзола, на золото кружев
Слетает нетающий снег.
Подальше от дома, поближе к народу —
В любой простолюдный кабак,
Где можно почувствовать сразу свободу
Среди незнакомых гуляк.
Где можно забыться, душой молодея,
Не веря в жестокий обман...
И, медленно, верно и сладко пьянея,
Он пьет за стаканом стакан.
Кто может быть близок ему, или равен
На склоне дряхлеющих лет?
Какой то Капнист и какой то Державин
Едва появились на свет.
Полвека отдал он российскому слову, —
На лаврах пора почивать.
Он оду вчера написал Пугачеву
И — больше не будет писать.
Поэт трех цариц не боится доносов, —
Ему ли испытывать страх?
Он с музой сдружился, когда Ломоносов
Еще пребывал в мужиках.

Кто тайну открыл хореической оды?
И вот, с табакеркой в руке,
Встает он, роняя скамью, и на своды,
Моргая глядит в кабаке.
Не знает поэт человеческих сроков, —
Он видит немеркнущий свет:
За партой стоит Александр Сумароков,
Семьнадцати-летний кадет.
И внемлет ему молодая Россия,
Наследье Петровых годов,
Услыша внезапно, услыша впервые
Всю музыку русских стихов.

О, премудро божество!
От начала перва века
Такового человека
Не видало естество.
Цесарь страшен был во брани,
Август покорил весь свет,
К Александру носят дани,
Где лишь меч его сверкнет.
Петр — природу пременяет,
Новы души в нас влагает,
Строит войско, входит в Понт,
И во дни такой премены
Мещет пламень, рушит стены,
Рвет и движет горизонт.

На впалых щеках розовеет румянец —
Забвенья поэзии нет.
И первым в Москве среди признанных пьяниц
Становится первый поэт.

1944

Уже никто чудес не просит,
И больше нет на свете слез,
А смерть все так же мерно косит
Свой нескончаемый покос.
Но вот, за звонкою косою,
Почти в беспамятстве, в бреду,
До тла сожженной полосою
Я, зачарованный, иду;
Гляжу на грозное движенье
Косы в испытанной руке,
На странный взмах и на паденье
Людей совсем невдалеке.
Но нет в душе тоски и страха —
И вижу я: из пустоты,
Из кровью залитого праха
Растет трава, цветут цветы,
И лес весенний зеленеет
И льется дождик на поля,
И с каждым часом хорошеет
Испепеленная земля.
И смерти нет... А за косою
Идет мой пращур и поет,
И загорелою рукою
Меня манит, меня зовет,

1944

За легкомысленный язык,
За склонность к ветренной забаве,
За то, что я уже привык
К незатруднительной отраве;
За все, за все, чем грешен я,
Ты ниспошли мне наказанье;
Но не лишай меня огня,
Оставь широкое дыханье,
Любви и песен не лишай
И не клади во гроб живого, —
Ты видишь: льется через край
Еще взволнованное слово.
1944

БАБЬЕ ЛЕТО

Стали дни прозрачнее и суше,
Осыпаться начинает сад;
Пожелтели розовые груши,
Золотые яблоки висят.
От плодов, от солнечного света,
На душе спокойней и ясней,
И сюда теперь приходит лето
Из своих пустеющих полей, —
Там летят по ветру паутины,
Все хлеба уже давно в снопах.
Бабье лето! Первые морщины,
Первые седины на висках.
1944

ПЕЧАЛЬНОЕ ВИНО

1.

Не с животворящим и веселым,
Дружным с нежностью, с любовью, со стихом,
А с тяжелым, непробудным, новым,
Уводящим к гибели вином;
Без раскаяний, без веры, без возврата,
Без тебя, — наедине с собой, —
Я уже не вспомню чем когда то
Был мне этот перстень золотой.
Все, как есть на свете забываю,
Сам себя не узнаю в лицо.
Если крест нательный пропиваю,
Что мне обручальное кольцо!
И напрасно ты в своей тревоге,
В жалости, в смятении, в тоске
Встанешь предо мною на пороге
Призрачным виденьем в кабаке.

2.

Жалей других, но не жалей себя!
И вот, с ненужными, случайными, чужими
Я пью вино, безжалостно губя
Твое неповторяемое имя,
Моя неразрешенная любовь.
Уже без вдохновений, по привычке,

В нестройном хоре праздных голосов
Участвую в унылой перекличке.
А ты молчишь. А я опять в бреду
Стремлюсь к тебе вслепую, как лунатик,
Как акробат испытанный иду,
Качаясь на протянутом канате.
А ты все ждешь, — ужели не сорвусь
Я с этой проволки железной.
Какой простор, какой простор и грусть
В моей свободе бесполезной.
1945.

За твое тревожное молчанье,
За биенье сердца моего,
За внезапное короткое свиданье,
На котором не случилось ничего,
За подсказанное вновь стихотворенье,
(В нем тебя опять не назову),
За такую нежность сновиденья,
О которой не расскажешь на яву,
За печаль, за тайное участье,
За любовь — отвечу я потом;
Но сегодня сокровенно счастье,
Как ручей еще сокрытый льдом.
1945

За безропотную службу —
В битвах пролитую кровь,
За возвышенную дружбу —
Бескорыстную любовь,
За отцовские могилы —
Родовые образа,
За растраченные силы,
За цыганские глаза,
За угарные попойки,
Где поились подлецы,
И за пропитые тройки —
Золотые бубенцы, —
Только жалкие руины,
Только жалость без конца,
Да столетние раины
У дворянского крыльца.
Без пощады, без возврата,
Без умеющих помочь,
И как черный флаг пирата,
Все собой покрыла ночь.

1945

Не плыву, — улетаю в Америку.
Кто поймет беспросветную грусть?
Это значит: к заветному берегу
Никогда, никогда не вернусь.
Это значит: благополучию
Свою жизнь навсегда уступил;
Полунищую, самую лучшую,
О которой я Бога просил.

1945

О чем грустить, по ком скучать!
В рассветной мгле стоят опушки,
О многолетии кричат
Неугомонные кукушки,
И вторит им весенний хор —
Разноголосый щебет птичий.
Ах, мне весна с недавних пор
Нужна, как поцелуй девичий.
И вот мы с ней идем вдвоем,
Куда — еще не знаем сами,
Я — с подорожным костылем,
Она — с апрельскими цветами.
Плывут над нами облака,
К плечу припал попутный ветер, —
Светла дорога и легка,
И жить легко на этом свете.
А ночью мир по-Божьи прост,
Деревня молится о хлебе;
В моем окне так много звезд,
Как будто, я уже на небе.

1945

И будет дождь, — веселый, молодой, —
В листву дерев ударивший, как в бубен,
Широкий дождь, прошедший полосой,
От Маныча до самых Лубен
И опочивший там... Последнею слезой,
Вот так бы мне, весь мир благословляя,
Погибнуть где-то там, где над землей
В дожде поднялась арка золотая.

1945

ОКТЯБРЬ

Был поздний час. И ты уже спала,
А я все медлил у твоей калитки.
Стоял октябрь. И ночь длинна была
И лунный свет — стеклянный, полужидкий —
Стекал по кровле и струился по шоссе.
Оно теперь казалось мне рекою,
И плыл весь мир и люди плыли все
К безмолвию, к забвению, к покою.
Все глубже сон. Все холоднее кровь.
Не знаю что теперь тебе приснится.
А мир плывет и, с ним, моя любовь,
Чтоб больше никогда не повториться.
1945

И снится мне: тропой опасной
Идем с тобою мы в горах,
И ночь вокруг, но месяц ясный
Сияет в темных небесах.
Над нами горный снег белеет,
А ночь все глуше и синей,
И полуночный ветер веет
Над первой юностью твоей.
И снится мне: я стал моложе
И про любовь тебе пою,
Как никогда не пел и позже
Уж никогда не запою.
1945.

На простом, без украшений, троне
Восседает всемогущий Бог.
Был всегда ко мне Он благосклонен,
По-отечески и милостив и строг.
Рядом Ангел и весы и гири, —
Вот он — долгожданный суд!
Все так просто в этом райском мире,
Будто здесь родители живут.
На весы кладется жизнь земная,
Все мои деянья и грехи,
И любовь к тебе, моя родная,
И мои нетрудные стихи.
Сколько веса в этой бедной лире,
Певшей о земном и для земных?
Ангел молча подбирает гири,
Выбирая самый лучший стих...
О, как все они теперь убоги,
Эта плоть и эта кровь моя, —
В судный час пред Богом, на пороге
Нового простого бытия.
1945

Посмотри: над присмиревшей степью,
Над грозою отшумевшей, над тобой
Радуга изогнутою цепью
Поднялась средь пыли дождевой.
Посмотри, не пропусти мгновенье, —
Как сияет радужная цепь.
Это с небом ищет примиренья
Бурей растревоженная степь.
1945

Ты жаждешь ясности. Откуда
Мне взять ее в холодной мгле?
Ты ищешь ясности, как чуда,
На затуманенной земле.
Ты мнишь ее посланцем тайным,
Во тьме сияющим мечем,
Все озарившим, — но случайным, —
Из туч прорвавшимся лучем,
Господним голосом из рая,
Поэтом, славящим любовь,
Когда, средь мертвых слов живая,
Звучит строка его стихов,
Блистаньем звезд в полночном небе,
Теплом спасительных огней,
Молитвой о насущном хлебе
Всех обездоленных людей...
Ты жаждешь ясности. Откуда
Мне взять ее в холодной мгле?
Я сам ее ищу, как чуда,
На затуманенной земле.

1945

Лед вокруг давным давно не сколот,
От морозов затуманился восток;
Но страшнее, чем полярный холод
Сердца равнодушный холодок.
Никого, подруга дорогая,
Никого умеющих помочь.
Только муза! Музыка такая
Без которой жить уже невмочь.

1945.

О годах медленного ига.
О днях бездомной пустоты
Твердит пророческая книга;
Но ветер вещие листы,
Как листья легкие листает,
(О, что ему века веков!)
И ясный вечер догорает
Над морем зреющих хлебов.
Не из кладбищенской пустыни,
Загробной местию дыша.
Идет сюда в вечерней сини
Твоя нетленная душа,
И за туманными чертами
Тебя нетрудно угадать:
Всегда, всегда была ты с нами
Неумирающая мать;
Мы слышим твой знакомый голос, —
Ты нас опять зовешь в тоске
И мирный знак, — созревший колос, —
Несешь в протянутой руке.
1945

Отцу Николаю Иванову.

Не георгиевский, а нательный крест,
Медный, на простом гайтане
Памятью знакомых мест
Никогда напоминать не перестанет;
Но и крест, полученный в бою,
Точно друг, и беспокойный и горячий,
Все твердит, что молодость свою
Я не мог бы начинать иначе.
1945

КАЗАК

Ты такой ли, как и прежде, богомольный
В чужедальней басурманской стороне?
Так ли дышешь весело и вольно,
Как дышал когда-то на войне?
Не боишься голода и стужи,
Дружишь с нищетою золотой, —
С каждым человеком дружишь,
Оказавшимся по близости с тобой.
Отдаешь последнюю рубаху,
Крест нательный даришь бедняку,
Не колеблясь, не жалея, — смаху,
Как и подобает казаку.
Так ли ты пируешь до рассвета
И в любви такой же озорной, —
Разорительный, разбойный; но при этом
Нераздельный, целомудренно скупой.
1945

Умей же, брат мой, без разбора
Все изумительно ценить
Простить разбойника и вора,
Обиду горькую забыть.
Без опасений, без оглядки
Встречать грядущие года
И не играть с судьбою в прятки,
А быть ей вызовом всегда.
1945

ГУРДА

Гурда по-чеченски: держись!

1.

На клинке блестящем у эфеса
Полумесяц рваный и звезда.
Нет на свете лучшего отвеса,
Чем отвес твой, драгоценная гурда.
В мире нет тебе подобной стали —
Невесомой, гибкой и сухой;
За тебя мюриды умирали,
Чтобы только обладать тобой.
Ты в руке испытанной у бека
Без зазубрин разрубала гвоздь,
Рассекала смаху человека
От плеча до паха наискось.
Говорят — и повторяют это —
Что тебя, с заклятьем на устах,
Выковал по просьбе Магомета
В поднебесной кузнице Аллах.
Для твоей неукротимой славы
Украшенья были не нужны:
Костяная рукоятка без оправы,
В темной коже — легкие ножны.

2.

Чеченская песня

«Просохнет земля, на могиле моей —
И слеза у матери станут скупей,
А горе твое, престарелый отец,
Заглушит над гробом растущий чебрец;
Как вешнего снега — недолга пора
Печали твоей, дорогая сестра.
Но ты не забудешь чеченскую честь,
Мой старший возлюбленный брат,
Меня не забудешь — кровавую месть
Тебе завещает адат;
Меня не забудет и братец меньшой,
Пока сам не ляжет со мной.
Горячая пуля меня уведет, —
Но пулям своим потерял я учет;
Земля мой последний покроет привал;
Но вволю ее я конем истоптал;
Холодная смерть, породнюсь, я с тобой —
Но в жизни была ты моею рабой».

3.

Месть за сына, за отца, за брата,
За семью поруганную — месть!
Нет войны священней газавата,
Но враги безжалостнее — есть.
Над имамом флаг зеленый реет:
Весь Кавказ привстал на стременах;
Над Баклановым по ветру веет
Черный с черепами флаг.
Рассыпались всадники по полю,
С каждым смерть скакала на-обочь;
На чеченскую седую волю
Опускалась северная ночь;
Над страницами раскрытого Корана
Оседала поднятая пыль;
Казаки в аулах Дагестана,
На Гунибе — сдавшийся Шамиль.
Стала ты подругой у шайтана,
Породнилась с заколдованной рукой —
Черт Петрович генерал Бакланов
Самовластно завладел тобой.

4.

Казачья песня

«Вдоль по линии Кавказской
Млад-сизой орел летал.
Он летает пред войсками
Наш походный атаман;
Он с походом нас поздравил,
Отдавал строгий приказ:
Чтоб у вас, ребята, были
Ружья новые Бердан,
Шашки острые в ножнах,
Пистолеты в кобурах...
Что ты, ворон, что ты, черный,
Что ты вьешься надо мной?
Ведь добыча то плохая:
Я — казак — еще не твой!»

5.

Черт не спит. Ему давно не спится.
Скучно в Петербурге одному.
Старый черт из Гугнинской станицы
Был роднею деду моему.
И ему, предчувствуя кончину,
Он тебя на память передал.
В Петербурге умер от кручины
Сосланный казачий генерал.
Дед носил тебя, ценить умея, —
И уча потом носить меня, —
На кавказской узкой портупее
Из простого сыромятного ремня.

6.

Ты одна со мною разделила
Юность бесшабашную мою,
Ты меня настойчиво учила
Нужному спокойствию в бою.
За тобой — баклановская слава,
А за мной — двадцатилетний пыл.
Подхватила нас казачья лава,
Сумасшедший ветер закружил.
Что тогда мне снилось и казалось?
Сколько раз рубил я сгоряча
Смерть свою, которая касалась
Ненароком моего плеча.
Помнишь вьюжный день на Перекопе?
Мертвый конь, разбитые ножны...
Много лет живя с тобой в Европе,
Ничего забыть мы не должны.

1945

ЛЕРМОНТОВ

Через Пушкина и через Тютчева,
Опять возвращаясь к нему, —
Казалось, не самому лучшему, —
Мы равных не видим ему.
Только парус белеет на взморье
И ангел летит средь миров;
Но вот, уже в Пятигорье
Отмерено десять шагов.
Не целясь Мартынов стреляет,
Держа пистолет наискось.
И нас эта пуля пронзает
Сквозь душу и сердце, — насквозь.
1946

СТАМБУЛ

Нет, — ничего не минуло!
Месяц встает молодой:
Медленно всплыл над Стамбулом
Легкий челнок золотой.
Снова по звездным дорогам,
Снова в райских садах
С нашим доверчивым Богом
Вместе гуляет Аллах.
В бедной кофейне Скутари
Предок мой песни поет.
Прошлое нас не состарит,
Прошлое к сердцу прижмет.
Голос гортанно поющий,
Город в ночи голубой!
Горечь кофейной гущи
Запью ледяною водой.
1946

ДЕВЯТЬ ВОСЬМИСТИШИЙ

1.

Еще сердце, как будто, исправное;
Но не верит больше стихам.
Только лучшее самое главное
Перед смертью тебе передам.
И ты щедро станешь разменивать
Серебро на медный грош, —
Уверять, что я на Тургенева
Безответной любовью похож.

2.

Все теряю время на людей ненужных,
На ненужные затеи и дела,
Все стараюсь в непробудной стужи
Отогреть закоченевшие тела.
Все людей живых найти стараюсь
И своим, в который раз, кольцом
Снова расточительно меняюсь.
С погибающим от скуки мертвецом.

3.

Широка, просторна и легка
У казачки вольная походка, —
Так плывут над степью облака,
Так плывет и парусная лодка,
Лебединой грудью наклонясь,
Так любовь внезапная приходит,
Так и ветер в буераках бродит,
Никого на свете не боясь.

4.

Учился у Гумилева
На все смотреть свысока,
Не бояться честного слова
И не знать, что такое тоска.
Но жизнь оказалась сильнее,
Но жизнь оказалась нежней,
Чем глупые эти затеи
И все разговоры о ней.

5.

Есть стихи, которых не повторишь.
Знаю, не к лицу мне грусть.
Зря ты их меня читать неволишь,
Зря запоминаешь наизусть.
А потом не понимаешь шуток
И не веришь в беззаботный смех, —
Для тебя любовь, как первопуток,
Для меня — уже последний снег.

6.

Одинаково для бедных и богатых
Светит солнце и цветут цветы,
В небо поднимаются закаты,
Звезды ниспадают с высоты.
Одинаково Господь внимает
Всем молитвам и прощает всех.
Кто же нам с тобою посчитает
Нашу нежность за великий грех.

7.

Так и ночью узнаешь наощупь
В темноте знакомые черты.
Стала ты доступнее и проще,
Но рабынею не стала ты.
И в неволе, в нищете, в позоре,
Черным воздухом мучительно дыша,
Все еще гуляет на просторе
Смерти не подвластная душа.

8.

Ничего не сохранила память
Из того, что сердце берегло.
Все, что было неразлучно с нами
Отлетело, отсияло, отцвело.
Каждый день рождается впервые.
Что такое память и к чему?
Каждый день ворота золотые
Раскрываются в Господнем терему.

9.

В этой доле самой лучшей,
Самой страшной и простой,
Я тебе доверил ключик
От шкатулки золотой.
В ней лежит моя тревога,
Сердце вещее лежит
И, на самом дне, немного
Нерастраченной души.
1946

ИГРА

Игра сдана и начата.
Глухая ночь. Начало марта.
Любимый месяц; но не та
Опять ко мне приходит карта.
Опять, как будто бы на зло,
Я лишь фигуры прикупаю.
Мне никогда так невезло;
Но я играю и играю.
За ночь одну я поседел.
Бледней стены, в табачном дыме,
Я не сдаюсь. Ломая мел,
Твое нетронутое имя
Пишу на залитом сукне,
В чаду разгрома и попойки
В залог всему. И снова мне
Дают валета к нищей двойке.
Иль я не создан для игры,
Иль я, действительно, не молод,
И вот, в Тартар-тартарары
Лечу стремглав, вдыхая холод
Непоправимого конца,
Игры проигранной до праха,
И нет, как нет у мертвеца,
Во мне сомнения и страха.

1946

Потерявши все, ты станешь чище,
Будешь милосердным и простым,
И придешь на старое кладбище
Посидеть под дубом вековым.
Без стремлений пылких, без обмана.
Жизнь, как есть! Смиренье и покой.
Хорошо под сенью великана
Отдыхать смущенною душой,
Птицей петь в его зеленой чаще
И листочком каждым дорожить.
Жизнь, как есть! Но жизнью настоящей
Только дуб еще умеет жить.
Грузно поднимаясь в поднебесье,
Он вершинами своих ветвей
Ничего уже почти не весит
В вознесенной вечности своей
И, уйдя в подземный мир корнями,
Над безмолвием могильных плит,
Над еще живущими, над нами,
Как он снисходительно шумит.
1946

Я шел по дороге и рядом со мной
Кружился листок золотой.
Летел он по ветру, потом отставал
И снова меня догонял.
Не это ль твоя золотая душа
Решила меня провожать,
Напомнить, что близок положенный срок —
Осенний дубовый листок?
1946

Из всех мечтаний лучшая мечта
О бедности бездомной, о свободе,
О том, быть может недалеком годе,
Когда вся жизнь окажется проста,
Как жизнь вот этого дубового куста.
Он крепче всех стоит в молодняке,
Вокруг него лепечет мелколесье,
А старый лес молчит невдалеке,
Как будто все он пережил и взвесил.
Дубовый куст дает тебе приют, —
Ложись под ним и засыпай, бродяга.
Ты отдохнешь, ты будешь счастлив тут, —
На склоне неглубокого оврага.
Ты будешь спать на шелковой траве,
Под вечер неожиданно проснешься
И над тобой склонившейся листве,
Как матери, спросонок улыбнешься.
1946

И утром вставать на заре,
И вечером поздно ложиться, —
В однообразной игре
Кружиться, кружиться, кружиться.
И виду нельзя подавать,
Что солнце порою не светит, —
И годы тебя не видать,
И знать, что живешь ты на свете.
1946

СТЕПЬ

Памяти отца.

1.

Был полон мир таинственных вещей,
А я был жаден, беспокоен, зорок, —
В Донце ловил я голубых лещей,
И хищных щук и сонных красноперок.
А в длинных буераках за Донцом,
Без промаха стреляя куропаток,
Я мог уже соперничать с отцом,
С охотниками быть за панибрата.
Я забывал, что надо пить и есть,
Собака верная со мной не разлучалась,
Ее, в репьях, всклокоченная шерсть
Руном мне драгоценнейшим казалась.
И не было подобных ей собак
И не было страны подобно этой,
Где-б можно было задыхаться так
От счастья и от солнечного света.
Сияла степь все суше, горячей...
И нежностью уже нечеловечьей
Звучал мне голос... Только голос чей?
Наверно, твой, — тоскующий кузнечик.

2.

Опять в степи неугомонный ветер.
Свистит ковыль, качается бурьян.
Опять ирландец, — годовалый сеттер, —
От дикого простора полупьян.
Кружит, кружит широкими кругами, —
А дичи нет — какая пустота.
В печальном небе высоко над нами
Летят, не опускаясь, стрепета.
Весь птичий мир готовится к отлету,
Пернатый мир давно на стороже;
Сентябрь зовет на псовую охоту,
Не видя толку в дробовом ружье.
Но мы с тобой, мой рыжий пес, не верим,
Что нашей воле подошел конец, —
По малолетству, за осенним зверем
Не пустит нас стареющий отец, —
Кружим, кружим в степи, не отдыхая, —
Авось, еще нарвемся на дрофу,
Иль диких уток обнаружим стаю
Под вечер в мочажинах на лугу.
Но степь мертва. За черными скирдами
Под ветром тлеет медленный закат,
И машет нам тревожными руками —
Зовет домой, — полураздетый сад.
Отец сидит за бесконечным чаем,
Бушует ночь вслепую на дворе,
И мы с ирландцем рядом засыпаем
В отцовском кабинете на ковре.

3.

Священный час еды! Благословенный час,
Ниспосланный голодным и усталым.
Кулеш, заправленный малороссийским салом,
Кипит, дымясь, в чугунном котелке.
Счастливый день, ниспосланный от Бога!
Возница мой увел коней к реке
На водопой, где мокрая дорога
Парома ждет. Но не спешит паром,
И мне уже не надо торопиться, —
Куда спешить, когда уверен в том,
Что этот день не может повториться.
Дождь отшумел давно. Но солнца нет, как нет.
И длится час блаженного покоя,
И льется на поля такой чудесный свет,
Что кажется весь мир одетым в голубое.

1946

Что из этой жизни унесу я
Сохраню в аду или в раю?
Головокруженье поцелуя,
Нежность неповторную твою?
Или, с детских лет необоримый,
Этот дикий, древний, кочевой
Запах неразвеянного дыма
Над моей родною стороной.
1947

Был влажный ветер — ветер низовой,
Был теплый дождь и золотая просинь,
И солнце было над моей рекой,
И я, весь вымокший, на глинянном откосе.
Сиял волнами полноводный Дон
И радуга возвышенно сияла, —
Такой простор сиял со всех сторон,
Что у меня дыханья не хватало.
1947

Пролетели лебеди над Доном,
Тронулся последний лед.
Ветер голосом счастливым и влюбленным
Не шумит над степью, а поет.
Он поет: мне незнакома жалость,
Я не знаю, что такое грусть, —
Все на свете мне легко досталось
И легко со всем я расстаюсь.
1947

1917 год

Казакам вчера прислали с Дона
Белый хлеб, сузьму и балыки,
А двенадцать ведер самогону
Сами наварили казаки.
Не страшит очередная пьянка, —
Стал теперь я крепче и сильней,
И душа, как пленная турчанка,
Привыкает к участи своей.
Сколько раз она слыхала сряду
Эту песню про зеленый сад:
Рассыпались яблоки по саду,
А казак не возвращается назад;
Понависли по над Доном тучи,
Разгулялся ветер низовой,
Не водою, а слезой горючей
Хлынет дождь из тучи грозовой...
И не пленницей душа моя отныне,
А любовницею станет у стихов
В этот синий вечер на Волыни
Среди пьющих и поющих казаков.
1947

Каждой мимолетности в угоду
Разделю я сердце пополам,
Но свою веселую свободу
Никому на свете не отдам.
1947

Равных нет мне в жестоком счастьи:
Я, единственный, званый на пир,
Уцелевший еще участник
Походов, встревоживших мир.
На самой широкой дороге,
Где с морем сливается Дон,
На самом кровавом пороге,
Открытом со всех сторон;
На еще неразрытом кургане,
На древней, как мир, целине —
Я припомнил все войны и брани,
Отшумевшие в этой стране.
Точно жемчуг в черной оправе,
Будто шелест бурьянов сухих, —
Эта память о воинской славе,
О соратниках мертвых моих.
Будто ветер, в ладонях взвесив,
Раскидал по степи семена:
Имена Ты их, Господи, веси, —
Я не знаю их имена.

1947

Опять гроза! Какие грозы
У нас с тобою на пути!
И зацветающие розы
Не успевают расцвести.
Опять над нашим бедным садом,
Где должен встретиться с тобой,
Гроза кипит дождем и градом,
Гуляет ветер ледяной.

1947

Было их с урядником тринадцать, —
Молодых безусых казаков.
Полк ушел. Куда теперь деваться
Средь оледенелых берегов?
Стынут люди, кони тоже стынут;
Веет смертью из морских пучин...
Но шепнул Господь на ухо Сыну:
Что глядишь, Мой Милосердный Сын?
Сын тогда простер над ними ризу,
А под ризой белоснежный мех,
И все гуще, все крупнее книзу
Закружился над разъездом снег.
Ветер стих. Повеяло покоем.
И, доверясь голубым снегам,
Весь разъезд добрался конным строем,
Без потери, к райским берегам.
1947

Мне снился потрясенный лес
Убийством белочки-белянки;
Он, как толпа, шумел окрест,
Заросшей ельником полянки.
И я услышал — в первый раз —
Под общий ропот возмущенья
Дубов взволнованный разсказ
О совершенном преступленьи,
И я увидел, как листва
С листвою в ужасе шепталась,
И ближней елки голова
Над мертвой белочкой склонялась.
1947

МОСКВА

Петру Кумшацкому.

Заносы. Сугробы. Замерзшие глыбы
Сползающих с кровель снегов.
Цепные медведи вставали на дыбы
Ревели от холодов.
У Темных, у Грозных, у Окаянных
За шерстью не видно лица:
Иваны, Иваны и снова Иваны,
И нет тем Иванам конца.
До белого блеска сносилась верига.
На улицах снежная муть.
Татарское иго — Московское иго:
Одна белоглазая чудь!
Что было однажды, повторится снова;
Но неповторна тоска.
На плаху, на плаху детей Годунова:
Москва ударяет с носка!
Пылает кострами Замоскворечье,
Раскинулся дым по базам;
Сожгли Аввакума, затеплили свечи:
Москва не поверит слезам!
Москва никому не поверит на слово,
Навек прокляла казаков,

И выпила черную кровь Пугачева
И Разина алую кровь.
Метели все злее. Завалены крыши.
Москва потонула в снегах.
Но чьи это души, все выше и выше
Плывут над Масквой в небесах?
В теплицах цветут басурманские розы,
На улицах — снежная муть.
Толстой — босиком, на машине Морозов
Свершили положенный путь.
Цыганские песни. Пожары на Пресне.
А вот — и семнадцатый год.
Все выше и выше, просторней, чудесней
Души обреченный полет.
По небу полуночи... Черное небо,
А хлеб еще неба черней.
И шопотом, шопотом: корочку хлеба
Для беспризорных детей.
Но как при Иванах, при Темных, при Грозных
Молитвам не внемлет земля.
По небу полуночи... Красные звезды
Мерцают на башнях Кремля.

1947

«Як помру я» —
Тарас Шевченко.

Не с сложенными на груди, а с распростертыми руками, готовыми обнять весь мир, похороните вы меня. И не в гробу, не в тесной домовине, не в яме, вырытой среди чужих могил, а где-нибудь в степи поближе к Дону, к моей станице, к старому Черкасску, на уцелевшей целине, меня в походной форме положите родного Атаманского полка. Кушак на мне потуже затяните, чтоб грудь поднялась, будто бы для вздоха о том, что все на свете хорошо... И сыпьте землю, не жалея: земля к земле и к праху прах! Мне положите в головах все то, что я писал когда-то, — чем жил во сне и грезил на яву... И крест из камня дикого поставьте, курганчик новый крепко утоптав, чтоб Дон, разлившись полою водою, его не смыл, а только напоил.

И по весне на нем веселым цветом начнет цвести лазоревый цветок, приляжет отдохнуть, уставший от скитаний, бездомный чебрецовый ветерок.

1947

ТРЕББИЯ

Увозили раненых. Убитых
Зарывали наспех. Бивуак
Был в кострах. У придорожного корыта
Двух коней поил седой казак.
Кони пили жадно. Над полями
Свет стоял вечерний, золотой.
Дым стоял над русскими кострами,
Горький дым в долине голубой.
Треббия. Италия. Из чашки
Щи хлебал неспешно старичок
В пропотевшей бязевой рубашке,
Бросив полотенце на плечо.
Треббия. Италия. А где то
Есть Кончанское — родительский порог.
Нет конца, и края нет у света
Для солдатских полусбитых ног.
Нет суровее солдатских разговоров:
Об увечьях и о смерти, наконец.
— Александр Васильевич Суворов
Не фельдмаршал, а родной отец.
1947

Ветер был такой ужасный,
Что, казалось, все деревья
Будут вырваны с корнями,
В поднебесье улетят,
Где дымился темнокрасный,
В тучах с медными краями,
Разгораясь постепенно,
Ужасающий закат.
И, казалось, что на свете
Никогда уже не будет
Ясных дней, ночей спокойных,
Жизни мирной и простой, —
Будет только этот ветер,
Тучи в огненной полуде,
Да осенний лес шумящий
С облетевшею листвой.
1948

Никто нас не вспомнит, о нас не потужит;
Неспешной водой протекают года.
И было нам плохо и станет нам хуже, —
Покоя не будет нигде, никогда.
Да мы и не ищем спокойного года,
Да нам и не нужен покой:
Свобода еще с Ледяного похода
Для нас неразлучна с бедой.
1948

Бог спас деревню от беды!
Поля завалены снопами;
Стоят счастливые сады,
Отягощенные плодами.
Теперь ничто им не грозит —
Ни град, ни засуха, ни ветер,
И синева легко сквозит
Сквозь листья...
Маленькие дети
Спешат веселою гурьбой
Туда, где опадают сливы,
Они счастливы, Боже мой,
По-настоящему счастливы,
Как день воскресный без забот,
Как звон пчелы домой летящей,
Как этой ласточки полет,
Такой воздушный и скользящий.
1948

Любезны мне пчела и муравей —
Бог знает, кто из них трудолюбивей, —
И праздный полуночник — соловей,
И ворон — вор, гуляющий по ниве.
Лежу в траве. Гляжу — не нагляжусь
На облака, на небо голубое,
Родное, недалекое — такое,
Что кажется рукой его коснусь.
1948

Поскупей на слова, посуровей;
Но нежней и сердечней втайне,
Не боясь ни смерти, ни крови,
Ни в жизни, ни на войне.
Короче, как можно короче,
В стихах о себе, о судьбе.
Но всецело: и дни, и ночи —
О тебе, о тебе, о тебе.
1948

Под утро на вечере этом
Стояла жемчужная мгла,
И был я подростком кадетом,
А ты институткой была.
И жизнь начиналась сначала
Под утро на этом балу;
Всю ночь ты со мной танцевала
Кружилась на скользком полу.
И музыка, музыка! Снова
Казалось нам прошлое сном,
И жизнь прожитая в оковах,
Лежала в снегах за окном.
И как над безвестной могилой,
Над прахом, над снегом, — над ней
Бессмертно сияли светила
Твоих изумленных очей.
1948

Казалось бы: пора и на покой, —
Кой-что забыть, со многим примириться,
По осени в дубраве золотой
С минувшим летом распроститься.
Дни холодней. И скоро первый снег
Слетит с небес закружится по полю;
Но вот — древесный молодой побег
Еще упорно тянется на волю,
Еще трепещет свежею листвой,
Когда вокруг давно все омертвело...
Моя душа, что делать мне с тобой,
Любовь моя, что мне с тобою делать?
1949

Почему с утра я полупьяный —
Захмелел внезапно без вина,
И не улица, а светлая поляна
Мне сегодня из окна видна;
Не дома парижского предместья,
А деревья распушились по весне,
И шумят с весенним ветром вместе
И стучат во окно ветвями мне...
Боже мой, откуда столько счастья,
О котором рассказать нельзя, —
Почему мне: и Твое участье
И все люди, до единого, друзья?
Ведь кругом все смутно и неверно,
А я сам давно погряз в грехи...
Это кто-то написал наверно
За меня хорошие стихи.
1949

И снилось мне, что будто я
Познал все тайны бытия,
И сразу стал мне свет не мил,
И все на свете я забыл,
И ничего уже не жду,
И в небе каждую звезду
Теперь я вижу не такой,
Как видел раньше — золотой —
А бледным ликом мертвеца,
И мертвым слухом мудреца
Не слышу музыки светил.
Я все на свете разлюбил,
И нет в груди моей огня
И нет людей вокруг меня...

... ...

И я проснулся на заре, —
Увидел церковь на горе,
И над станицей легкий дым
И пар над Доном золотым,
Услышал звонких петухов, —
И в этом лучшем из миров
Счастливей не было людей
Меня, в беспечности своей.

1949

ЗНАМЯ

Мне снилось казачье знамя,
Мне снилось — я стал молодым.
Пылали пожары за нами,
Клубился пепел и дым.
Сгорала последняя крыша
И ветер веял вольней, —
Такой же — с времен Тохтамыша,
А, может быть, даже древней.
И знамя средь черного дыма
Сияло своею парчей, —
Единственной, неопалимой,
Нетленной в огне купиной.
Звенела новая слава,
Еще неслыханный звон...
И снилась мне переправа
С конями, вплавь, через Дон...
И воды прощальные Дона
Несли по течению нас,
Над нами на стяге иконы,
Иконы — иконостас;
И горький ветер усобиц,
От гари став горячей,
Лики всех Богородиц
Качал на казачьей парче.

1949

ПЕРЕПРАВА

Музе.

Стояла на башне Азова,
И снова в боях постоишь,
Вручала мне вещее слово,
И снова другому вручишь.
Одна ты на свете, родная!
Идут за годами года,
Летит стрепетиная стая,
Струится донская вода.
И где бы, и с кем бы я не был,
Меня ты повсюду найдешь,
Под это высокое небо
На берег степной приведешь;
В предсмертный туман, без возврата,
Где ждет меня черный паром:
Мой прадед стоит у каната,
Прабабка стоит за веслом.
И буду уверен, что близ ты
В тумане стоишь над рекой, —
Направо — туман золотистый,
Налево — туман голубой.

1950

РАЗЛУКА

à Ste-Geneviève-des-Bois.

1.

Смерть не страшна: из праха в прах, —
Ты подождешь, друг милый,
Меня в молчаньи и в цветах
Супружеской могилы.
Кому-то надо подождать:
Господь решает просто,
Кто должен раньше отдыхать
В земном раю погоста.
Мы все уходим налегке,
Видав на свете виды,
И щебет птиц в березняке
Поет нам панихиды.
А купол церкви голубой
Плывет воздушным шаром...
Какой покой! Друг дорогой,
Мы прожили недаром!

2.

Хорошо, что ветер. И звезда такая,
Что уже на свете нет другой звезды.
Для меня одна ты светишь золотая, —
На меня глядишь ты с черной высоты.
Никакого горя, никакого гроба, —
Только бы до встречи поскорей дожить.
Хорошо, что вместе так прожили оба,
Как на этом свете никому не жить.

3.

Еще весь лес такой сквозной,
Что виден издали подснежник;
Над прошлогоднею листвой
Он всех цветов белеет прежде.
Ему и дела нет, что здесь
Зимою не бывает снега, —
Весенний первенец, он весь
Свидетель зимнего побега.
Иду в блаженном полусне.
Вокруг все так легко и просто,
И не препятствует весне
Соседство русского погоста.

4.

Нет воздушней этого тумана,
Призрачнее нет голубизны, —
Только надо выйти спозаранок
К перелескам Женевьевской стороны.
Город близок. Но весна поближе.
Мимолетная фанцузская весна;
Даже к верноподданным Парижа
Благосклонна и внимательна она.
Жизнь еще не прожита, отпета.
Встреча будет, только погоди.
Впереди счастливейшее лето,
Много света будет впереди.

5.

Не говорить и не писать, не думать,
А только сердцем чувствовать, что ты
Вот здесь, вдали от городского шума,
Со мной глядишь на деревенские цветы,
Но это медленно стареющее лето,
Которое не хочет уходить,
Все ждет, Бог весть, какого-то ответа
И до конца все хочет пережить,
На эти голубеющие склоны
Полей над безымянною рекой
И на дубок, такой еще зеленый,
Что нет сомнений: встретимся с тобой!

6.

Глядеть, глядеть! И глаз не отрывать,
И знать, что никогда не наглядеться
На Божий мир. Какая благодать,
Какая радость для стареющего сердца.
И здесь, в чужом, и там, в родном краю,
В деревне под Парижем и в станице,
Где жег огнем я молодость свою,
Чтоб никогда потом не измениться,
Все тот же воздух, солнце... О простом,
О самом главном: о свиданьи с милой
Поет мне ветер над ее крестом,
Моей уже намеченной могилой.

1950-52

Мороз крепчал. Стоял такой мороз,
Что бронепоезд наш застыл над яром,
Где ждал нас враг, и бедный паровоз
Стоял в дыму и задыхался паром.
Но и в селе, раскинутом в яру,
Никто не выходил из хат дымящих, —
Мороз пресек жестокую игру,
Как самодержец настоящий.
Был лед и в пулеметных кожухах;
Но вот в душе, как будто, потеплело:
Сочельник был. И снег лежал в степях.
И не было ни красных и ни белых.
1950

Отныне, навеки и присно!
Господь, оглянись на слугу:
Для Тебя ведь казачьи письма,
Как святыню, я берегу.
Они писаны потом и кровью,
Непривычной к писанью рукой,
С твердой верой в Тебя, и с любовью
К человеческой правде мирской.
И во сне, как в священном обряде,
На коленях, во прахе, скорбя,
Я стою пред Тобой на докладе —
За бездомных прошу я Тебя:
В чужедальних краях, без причала,
Казакам и не снится покой, —
Приласкай на земле их сначала,
А потом у Себя успокой.
1950

Мы ничего ни у кого не просим.
Живем одни, — быть может, потому,
Что помним добровольческую осень
И наше одиночество в Крыму.
Тогда закат раскрыл над нами веер,
Звездой вечерней засияла высь;
С утра мы бились с конницей — на север,
Потом — на юг — с пехотою дрались.
Мы тесно шли, дорогу пробивая.
Так бьет в утес девятая волна.
Последний бой! Идет не так ли стая
Волков, когда она окружена?
И мы прошли. Прошла и эта осень,
Как бег ночной измученных коней, —
Еще не знали, что с рассветом бросим
На пристани единственных друзей.
1950

Мы уходили налегке,
Мы уплывали торопливо,
На взятом с боя челноке,
В волнах осеннего разлива,
И быстроводная река,
В крутых кругах водоворотов,
Несла нас, пенясь и кипя...
Как хорошо! Но жаль кого-то.
Кого? Но только не себя!
1950

ПУТЬ

Твой отец в далекой ссылке,
Мать его не дождалась;
Поклонись ее могилке,
Истово перекрестясь.
Уцелевшего соседа
Ты под вечер навести, —
Потаенная беседа
И прощальное прости.
Ты не мальчик! Все пятнадцать
На плечах твоих годов, —
В эти годы нужно драться,
Надо знать своих врагов.
Говорят — и правда это —
У какой-то там реки,
В чужедальнем крае где-то
Проживают казаки.
Уходи, пока не поздно,
Взять землицы не забудь,
И по солнцу, и по звездам
Ты найдешь свой верный путь.

1951

ШЛЯХ

Все те же курганы
И гетманский шлях,
Седые бурьяны
На снежных полях,
А вечером поздно,
Уже наверху,
Знакомые звезды
На Млечном шляху.
В морозной полуде
Родное окно, —
Какие-то люди
Живут здесь давно,
И дом мой им тоже
Такой же родной,
Как будет он позже
Для смены другой.
Приходят, уходят
И снова придут;
Но старые песни
Уже не поют, —
Никто и не знает
О песне такой:
За Доном гуляет
Казак молодой!

1951

Дети сладко спят, и старики
Так же спят, впадающие в детство.
Где-то, у счастливейшей реки,
Никогда не прекратится малолетство.
Только там, у райских берегов,
Где с концом сливается начало,
Музыка неслыханных стихов,
Лодки голубые у причала;
Плавают воздушные шары,
Отражая розоватый воздух,
И всегда к услугам детворы
Даже днем не меркнущие звезды.
И являются со всех сторон,
Человеку доверяющие звери
И сбывается чудесный сон, —
Тот, которому никто не верит.
Только там добры и хороши
Все, как есть, поступки и деянья,
Потому что взрослых и больших
Ангел выгнал вон без состраданья.

1951

Что и не снилось мудрецам?
Об этом знают, может, птицы, —
Передают своим птенцам,
Когда пора им опериться.
Об этом знает, может, мать,
Когда она дитя жалеет;
Но вот не может передать
И даже высказать не смеет.
Об этом музыка звучит,
Шумят леса и камни знают,
Когда все звездные лучи
На эти камни ниспадают.
Об этом знает целый мир;
Но вот от века и до века,
Как собеседника на пир
Не позовет он человека.
1951

Кажется, все сказано и спето,
Все, что было выпито до дна.
Франция, люблю тебя за это,
Предъосенняя моя голубизна.
Все, что надо и не надо, отдавала,
И еще готова дать;
Но не то, что тайно сберегала
И которого никак не взять.
Что ж, еще, голубушка, помучай
Человеческие, варварские сны
Этой долей, — самой трудной, лучшей, —
Все еще возлюбленной жены.
1951

ЯРМАРКА

1.

Это было опять в воскресенье;
Но теперь — у восточных ворот.
Тот же пригород, ветер весенний,
Та же ярмарка, тот же народ;
Карусели, зверинец и тот же
Старый лев за решеткой такой,
Что, казалося, выломать сможет
Эти прутья мальчишка любой.
Проходили воскресные люди:
Длинный день без забот и хлопот,
И стоял перед клеткою пудель,
Самый страшный собачий урод.
Он рычал, вызывая на драку,
Вспоминая собачьи слова,
И никто не одернул собаку,
Пожалев беззащитного льва.

2.

Мне обезьяна вытащила счастье,
Бумажку голубую, и на ней
Написано: Созвездье Водолей
Вас сохранит от всякого несчастья.
Одиннадцатый месяц... Зодиак...
Что знаю я об этом Водолее?
Но вот поверил, и поверил так,
Что стало все вокруг меня светлее,
И нет злодеев и плохих людей.
И ты стоишь у дома на подъезде
Веселой памятью давно минувших дней,
Сиявших нам на родине созвездий.

3.

Снова дивные затеи, —
И арена и лакеи;
Ты взлетаешь над толпой
Акробаткой цирковой.
Не звучит смешное слово
И боится старый клоун:
Недостаточно высок
Полотнянный потолок.
Все тревожней скрип трапеций,
Все счастливей бьется сердце
И, в сияньи голубом,
Ты уже за потолком.
Боже мой, как небо звездно!
Никогда еще не поздно, —
На землю, домой,
Вниз головой.

4.

Предпраздничная давка,
И в детской толчее
Теперь любая лавка
В архангельском луче.
Картонная корона,
Улыбка на устах, —
Французская мадона
С младенцем на руках.
И дети, дети, дети
Несметною толпой,
Как жизнь, как звезды эти
В Париже надо мной.
1952-53

ВОДОЕМ

Как хорошо! Шумит вода,
В дубраве горлица воркует;
Недаром мы пришли сюда,
И ветер нас с тобой целует.
Как хорошо! И мы уйдем,
И вместо нас придут другие.
Беды не будет: в водоем
Слетают капли дождевые.
1953.

ПАМЯТЬ

"In vino veritas".

Чем себя утешить?
Только память, —
Идол неразлучный мой, —
Жаркое повстанческое знамя
Поднимает на вершине снеговой.
Чем себя потешить?
Только этим.
Бедняку доступнейшим вином:
Десять строк у стойки, на рассвете,
В дивном одиночестве моем.
1953

БАЛЛАДА

Страшное дело. Черная ночь.
С ведьмой жила черноокая дочь.
Дева была холоднее, чем лед.
А под окошком, всю ночь напролет,
Старая ведьма водила коня:
Конь мой потом не глядел на меня.
1953

И звездная дорога,
Святого Лазаря вокзал,
Опять на поезд опоздал,
Задумавшись немного.
Опять уходят поезда
И с грохотом, и с дымом;
Но путеводная звезда
Меня уводит мимо.
1953

Печальный день, похожий на разлуку,
Ушел в туман и не придет назад.
Уже не видя, узнаю по звуку
Начавшийся в тумане листопад, —
Каким-то чудом долетевший шорох
Внезапно сиротеющих лесов,
Какой-то сонный отголосок хора
Таинственных древесных голосов.
1953

БУНТ

Качаясь на плотах, висели казаки,
Спускаясь вниз по Дону караваном
Судов, еще не виданных в степи.
Река несла их бережно.
                                        В пустыне
Все была тихо.
                                За Пяти-избянской
Плоты пошли быстрее.
                                        По низовью
Встречали их достойно казаки
Церковным звоном.
                                    На юртах Черкасска,
У берегов стоял большой майдан,
На все майданы непохожий.
                                            Молча
Все разом опустились на колени:
Земной полкон плывущим казакам.

1954.

КУКАН

Разрозовевшийся восток,
Заветный час подходит ближе;
Заволновался поплавок,
Который был так неподвижен.
Любить легко; но надо знать —
Всему есть опыт и наука;
Нельзя лещенка подсекать,
Когда клюет большая щука.
Непрекращающийся клев
Надежд веселых не обманет.
О, как велик уже улов,
У ног плывущий на кукане!
Неспешно пролетает день,
Похожий на большую птицу,
И вечер — розовый плетень —
Зовет к покою прислониться,
Колышет медленную зыбь,
Кукан баюкает на зыби...
Я выпущу на волю рыб,
Верну свободу каждой рыбе,
Но мой порыв пойдет ли впрок,
Напомнит им о смерти либо?
Не поведет ли поплавок
Уже наказанная рыба?
Вот так, побывшие в плену
Не сразу доверяют воле,
И пережившие войну
Опять твердят о ратном поле.

1954

ВЕРТЕП

В самой темной, снежной, непробудной,
Бесконечно затянувшейся ночи
Вдруг почувствовать торжественно и чудно
Глазу недоступные лучи.
Вдруг увидеть голубые дверцы
В тот вертеп, где расступилась тьма,
И твое младенческое сердце
Двух-тысячелетняя зима.

1955

КУЗНЕЧИК

Все мы с детства знаем: к Рождеству
Все на свете и чудесней и добрее.
Снег, упавший на опавшую листву,
Под листвой кузнечика согреет.
И на елках, зеленеющих вокруг,
Разноцветные зажгутся свечи.
Рождество, мой музыкальный друг.
Рождество, мой дорогой кузнечик.
И скрипач весною с торжеством
Воскресение прославит в песне.
Все мы с детства знаем: Рождеством
Все необычайней и чудесней.

1955

ДЕРЕВНЯ

1.

Хлеба. Дорога. Ни души.
Все замечательно и просто.
Тяжелый памятник Груши
В начале сельского погоста.
А дальше легкие кресты
Иных, негромких поколений;
Из века в век стоят мосты
Для молчаливых поселений.
Всем хватит места. И земля
Не беспокоится об этом.
Опять дорога и поля
Под торжествующим рассветом,
И недалекое сельцо,
Восходят дымы тиховейней
И полусонное крыльцо
Гостеприимнейшей кофейни.
Я выпью ром, ты — молоко,
Черед, придуманный не нами.
Шагай просторно и легко
И веселей маши руками.

2.

Цветет французская заря
Над пробудившейся деревней.
Нет, я сюда пришел не зря,
Вот к этой церкви очень древней.
Какой-то баснословный век,
На предыдущий век похожий;
Средневековый человек,
Как я теперь, здесь был прохожий.
И это нас роднит. Века,
На книжных полках тяжелея,
Играют с нами в дурака,
Чем дальше — больше и вернее.
И мы, потворствуя векам,
Все реже вспоминаем встречи,
С небес ниспосланные нам,
Совсем простые, человечьи.

3.

Зодчий, зодчий! Что ты строишь — отчий
Или новый, незнакомый дом?
Скоро осень. Дни уже короче.
Надо бы подумать о другом.
Крот жилище под землею роет,
Птица вьет воздушное гнездо,
Человек себе хоромы строит,
И всегда не так или не то.
Как бы нам найти небесной манны,
Чтобы жить по-Божьи без гроша?
Помнишь наш донской курень саманный
С кровлей из простого камыша.

4.

Будут уничтожены деревья,
Будут уничтожены поверья,
Что деревья нас перерастут,
Вечно устремляясь в высоту.
Будет поле. Обмелеют реки.
Еще ниже станут человеки,
Повторяя вещие слова:
Все на свете трын-трава.

5.

Что нибудь такое, —
Детское, простое,
Всем давным давно
Знакомые слова:
Небо голубое,
Солнце золотое,
Глаз твоих веселых
Зеленей трава.

6.

Стакан вина. Благословенный хмель.
Конечно, мир доверчив и прекрасен,
Как этот приблудившийся кобель,
У ног моих лежащий на терассе.
1955-56

Веял ветер. Осыпался колос.
Среди звезд плыла на юг комета.
Был твой нежный, потаенный голос
Голосом с другого света.
Перечисленны давно все звезды,
Наливаются и осыпаются колосья;
Но как редко сквозь привычный воздух
Ветер музыку нездешнюю доносит.
1956

О главном, непокорном — о стихах,
О ненаглядном — о природе:
Вновь расцветающих цветах,
О драгоценном — о свободе
Ты говорил. Сибирских лагерей
Вотще осталось угнетенье.
Христос Воскрес! И все нежней
Ты веришь в праздник воскресенья.
1956

По крутогорью бродят овцы,
Ища промерзлую траву.
Туманный день. Не греет солнце.
Палю костер и пса зову.
Иди, мой пес, сюда погреться.
Смотри, какая благодать!
Вот так бы сердцу разгореться
И никогда не остывать.
1957

Мы глохнем к старости и ощущаем хуже
Весь этот мир и всех его людей,
Смеемся невпопад и невпопад мы тужим,
В плену своих навязчивых идей,
Которым грош цена.
Скудеющие души.
Воспоминания опять ведут туда,
Где отчий дом, наверное, разрушен
И мы уже забыты навсегда.
Воспоминания...
Но вот,
В пролет разрушенного дома
Вдруг засияет небесвод
Так неожиданно знакомо,
С такой степною простотой,
Что ничего уже не надо,
Ни мертвых, ни живых, ни сада,
Где мы увиделись с тобой.
1957

Я хочу устать.
Чтобы спать и спать.
Но опять во сне
Ты идешь ко мне
И лежишь со мной
До утра живой.
Не прощанье, только до свиданья,
Никакой нет тайны гробовой,
Только потаенное свиданье,
Все, что хочешь, только не покой.
1957

Есть что то оскробительное в том,
Что этот наглый и беспутный ветер
Ломает розы и летит потом
Для новых буйств на беззащитном свете.
1957

Он был пришельцем из другого света,
Стихами одержимый караим,
И ангел был особенного цвета,
Как ночью озаренный дым.
Тифозный бред. Теплушка. Человечий
Призыв о нежности в семьнадцатом году.
Снега, снега. И ангельские речи
В сорокоградусном бреду.
1957

Не влюбленность, а любовь и жалость,
Не весна, а осень впереди:
Очень кратковременная старость,
С очень краткой жизнью позади.
Только жить, как верится и снится,
Только не считать года,
И в Париже, где чудесные больницы,
Не лечиться никогда.
1957

У тебя свои заботы.
У меня свои забавы.
Расходиться? Что ты, что ты:
Оба мы с тобой неправы.
И не может одинаков
Жребий быть у нас с тобою, —
У меня молчит собака,
У тебя собака воет.
Значит, так и надо. Что же
Огорчаться попустому, —
Каждый пусть живет как может,
А никак не по-другому.
1957

Я гадал в лесу: когда же,
Наконец, меня уважишь
И приедешь к старику?
Но болтунья и пустушка,
В этот странный день кукушка
Онемела на суку.
Дивные бывают вещи.
Обратился к птице вещей,
Чтоб узнать, на сколько дней
К новой хижине моей
Ты приедешь.
— «Никогда!»
Каркнул ворон.
— «Навсегда!»
Отвечал я ворону,
Отвернувшись в сторону.
1958

Милый мальчик с грустными глазами,
Милый пальчик ангельской руки;
Никого знакомых между нами
Нет, напоминающих таких.
И хмельней вина моя отрада,
Знать и негодуя и любя,
Что, когда мне жить не станет надо,
Жизнь едва начнется для тебя.
1958

Нельзя все время пировать,
Нельзя все время ликовать
И знать, что только жду я
Вина и поцелуя.
Нельзя! Но может быть, потом,
За незамеченным трудом
Свою увижу тень я:
Ненужные сомненья.
1959

За стихов нежданное начало,
Музыку нежданную стихов,
Проплывающих над нами без причала,
На стихи похожих облаков, —
Я не знаю, — за цветочки ль эти,
Беленький горошок у межи,
Только стоит жить на этом свете,
Долго еще стоит жить.
1959

НОЧЬ

Роману Гуль.

Снег в ночи светился на скале.
Под скалою, в сакле, перебранка.
Негритянка ела белый хлеб,
Пушкинская мама, негритянка.
Лермонтову было не до сна,
Ангелы метались в поднебесьи.
В преисподней волновался сатана,
Собираясь Тютчева повесить.
Было все, как будто, невпопад.
И, событий в мире не касаясь,
Звездный низвергался водопад,
Над землей все выше поднимаясь.
1959

— Где мой отец?
— Он на войне,
— Но нет войны!
— Она все длится.
— Но мне отец опять приснится.
— Но он уже не снится мне.
— Где мой отец?
— Ах, перестань!
— Его я часто вспоминаю,
Он где-то близко,
— Перестань:
Я ничего о нем не знаю.
1959

ПОЛУСТАНОК

На каком-то полустанке
Ни часов, ни расписаний, —
Удивительно бесшумно
Пролетают поезда.
Сновиденческое место
Предназначенных свиданий,
Всех, кого сюда приводит
Путеводная звезда.
Может длиться ожиданье.
Очень долго.
На мгновенье
Остановится курьерский,
Содрогаясь, весь в пару.
Снег да ветер!
Расставанье,
После долгих лет разлуки,
Европейских променадов,
Вновь в снегах и на ветру.
— На Кавказ! — в Стокгольм! — на Вислу!
Ты опять на Монпарнассе?
Сумасшдший поезд свистнул
И умчался во-свояси.
1959

В КАФЕ

Что лучше может быть пустынного кафе
Под вечер на окраине Парижа.
Париж лежит на голубой софе
И ничего не видит и не слышит
Направо от меня. И я гляжу в окно:
Его тысячелетний профиль
Увидеть всем уже пора давно
Отсюда. Ром, крепчайший кофе
Ему под стать, да и тебе под стать,
Стареющий пришелец без возврата;
Вот только б вспомнить, записать,
Что снилось мне на родине когда то.
И на углу трактирного стола
Пишу, что дома не писалось,
Что ты жива, не умерла,
Как мне случайно показалось.
1959

Памяти А. Н. Бенуа

Как будто бы, я в Петербурге.
На службу опять не пойду.
Сижу на скамье в Люксембурге,
В древнейшем парижском саду.
И хор, исключительно птичий,
Поет, не уставая:
У нас Катерина Медичи,
У вас Катерина другая.
1960

КАНИКУЛЫ

Тикусе В. Федоровой.

1.

Мне тайный голос говорил:
Не убивай, — беда случится!
И руку мне остановил
Пред, к смерти обреченной, птицей.
Но мой парижский карабин
Был этим очень недоволен:
«Ты мне уже не господин,
Ты надо мной теперь не волен».
И вспыхнул спор со всех сторон...
О, неуемная природа!
И к дубу я прибил картон
С изображением урода.
Мой карабин, пора: стрельба!
Мы всаживали пулю в пулю.
Железный друг, твоя судьба
Вся расстрелялася в июле.
И дуб все пули принимал
И только шелестел над нами
О том, что кончен наш привал,
Тысячелетними ветвями.

2.

Господи, сколько счастливых
И одиноких людей.
Опадают созревшие сливы
Во французской деревне моей.
И соседка — из прошлого века, —
Все твердит о своей красоте,
Все летает на крыльях калека
На невидимой нам высоте.

3.

Опять приют знакомых мест.
Иду заросшею тропою.
И юный дождь и старый лес
Шумят о жизни надо мною.
Зайду под дуб, и нет дождя.
Ах, эти капли дождевые,
Шуршащие, поющие, живые,
Победные над ветхостью плаща.
1960

Осенний день в окрестностях Парижа.
Газон. В окне необычайный свет,
Который окончательно пронижет
Тебя, спустя еще немного лет.
И ничего не трогать и не двигать
Решаешь ты, мой книжник-чудодей,
И прошлое, как адресная книга,
Уже несуществующих людей.
1960

ЛАЗАРЕТ

1.

Уезжаю сегодня в карете, —
Не надолго, на несколько дней.
Это Лазарь в моём лазарете
Запрягает в карету коней.
Запрягает, потом распрягает:
Запретил чужестранствия врач.
Кони знают, а Лазарь не знает,
Что такое беспомощный плач.

2.

Как хорошо: я должен покидать
Свою тюрьму, свою больницу.
Мне жаль уже свою кровать
И одиночную темницу,
Где, за решетчатым окном,
Стоит такой же скучный дом.
Нельзя все время есть да спать,
Не волноваться, не стремиться.
Куда? Не знаю. Но опять,
Когда припадок повторится,
Вернусь я с нежностью сюда
Уже надолго, — навсегда!
Господи, сколько калек
Здесь остается навек.

3.

«Вы были в Африке?»
«Я служил в Легионе!»
Из парижских разговоров

Я еще не меняюсь в лице;
Но теряю последние силы:
Это редкая муха Це-це
В легионе меня укусила.
Это значит: приходит пора
С концом примириться железней
Удивляются все доктора
Неизлечимой болезни.
Это значит: не спать, а дремать,
Не прося у людей сostраданья.
Кто смерть?
Ах, покойная мать
Вызывает меня на свиданье.

4.

Хорошо, что кончается время
У каких-то воздушных перил.
Я казачье старинное стремя
Под подушку себе положил.
Ничего мне больше не снится,
Стал мой мир изумительно прост.
И босяк с хризантемой в петлице
Меня увлекает под мост.

1961

«Ты пьян, Хайям,
И это — хорошо».

Омар Хайям, (✝ 1123).

Только розы из Шираза,
И фантазия.
Воспоминаньями могилы поросли.
Персики, и Персия
И Азия.
Первопричастница земли.
Азия, поэзия! Тысячелетия
Пред тобой стоят. И постоят еще.
Ты прав, Хайям, в своем великолепии.
Ты пьян, Хайям, и это — хорошо.
1961.

СОМ

Как, рыба, плавать в глубине
И Божий свет не видеть,
Как черный сом, лежать на дне
И солнце ненавидеть.
Как человечий легкий рок,
К созвездьям поднимаясь,
Лететь назад, лететь в проток,
Крестясь и чертыхаясь.
Как... Я не знаю. Но потом,
Побратски сдвинув плечи,
Лежат на дне и черный сом
И остов человечий.
1961

ЗИМА

1.

Все верит в молодость свою,
Которую никто не знает.
    «Была зима. Я был в бою.
    И снег уже не тает!»
Побойся Бога: тает снег.
    «Возможно. И, порою,
    Я верю в это.
            Ах, набег
    Корниловской зимою».

2.

Уезжала на работу мать,
Ежедневную тяжелую работу.
Как же ей ребеночка не взять,
На работу — лучезарную заботу.
Возвращалась мать домой.
            Устало
Спал ребенок на коленях.
            Как всегда,
За окном автобуса сияла
Та же Вифлеемская звезда.
  1962

Что возразить тебе? Ах, бесполезно!
В потоке жалоб и угроз
Уже дрожит единственный, железный
Мой, в этой жизни нерушимый мост.
Все верх ногами в сокрушительном потоке:
Обломки покаяний и грехов,
Дела и люди, — строки, строки,
Тобой переиначенных стихов.
Любовь к стихам — чудесная обуза,
Любовь к стихам — крушенье и беда.
И мечется испуганная муза,
Сгорая от девичьего стыда.
1962

Дочь моя жила на воле:
Приальпийские леса,
И, на память о Тироле,
Мне подарок привезла.
Ах, тирольская избушка!
Не избушка, а часы.
В них живет моя кукушка
Изумительной красы.
Не на гибель, а на счастье
Прокукуй мои года.
Кто ты неизвестный мастер?
Не узнаю никогда.
Не страшна тому черная ночь,
У кого есть взрослая дочь.
1962

Мне стыдно поднимать глаза
На самохвальные писанья.
Была гроза, прошла гроза, —
Остались лишь воспоминанья;
И вот, во имя новых гроз,
В молнинесной передышке,
Пиши о том, что перенес
В крови, в слезах, — не понаслышке.
1962

«Каждый день — одно и то же.
Бесконечны вечера,
И сегодня так похоже
На бездарное вчера.
Каждый день и каждый вечер...»
— Ну-ка, Муза, погоди:
Расцелованные плечи,
Ночь, и мальчик на груди.
1962

Ты пил вино. Но не оно тебя.
Еще не ведал темного похмелья.
Держался ты, и только за себя.
Был каждый день, как новоселье.
Ты прожил жизнь чудесную. Уже
Пора домой, в родные степи,
Рожденному на рубеже
Великолепнейших столетий.
1963.

ДЕРЕВЦО

Н. Г. Стортенбекер.

Гляжу в окно, залитый светом.
Пейзажа нет! Есть деревцо.
Не надо быть большим поэтом,
Чтоб полюбить его лицо,
Еще зеленое такое
На фоне уличных построек.
Мы оба с ним оберечены
Уже не ждать другой весны.
Не надо быть большим поэтом,
Не надо жить в большом лесу.
Есть деревцо!
Люби за это
Его прощальную красу.
1963.

И возложил поэт на плечи эпанчу.
А Тютчев положил свой коврик на колени.

Я видел сон. Мне снилась ты
Уже в когтях у сатаны;
Но легкий ангел прилетел,
И спас тебя и улетел.
И ты опять идешь в стихи,
Как в некий сад. За все грехи
Ты отвечаешь смело.
Дай Бог, чтоб уцелела!
1963

Был снежный лог. Потом зеленый лог.
Опять весна. Медведице не спится.
Медведя нет. А он бы ей помог
Сберечь детей, оборониться.
А вот и смерть. Она взвела курки
Охотнику. Но он, к сосне прижатый,
Увидел обнаженные клыки
Медведицы, с которой медвежата.
Был некий миг. Потом — внезапный гром:
Нежданных ангелов заслуга.
Бежала смерть. Медведица потом
На поиск опоздавшего супруга.
И гаркнул ворон громогласно: кра!
И зайцы изумленные присели.
И лес шумел веселое ура
Несостоявшейся дуэли.
1963.

У отцов свои преданья,
У отцов свои грехи:
Недостроенные зданья,
Непрочтенные стихи.
И ни в чем уже не каясь,
Лоб крестя иль не крестя,
Подростает, озираясь,
Эмигрантское дитя.
1963

ЕЛИЗИУМ

«Елизиум — загробное воздаяние».
Пиндар (522-448 до Р. Х.)
Русским старческим домам.

1.

Мы дети верные войны.
Идут года, приходят войны,
И обетованной страны
Твоей, Елизиум, достойны,
Не все уже и дым и прах, —
От нас еще ложатся тени,
Елизиум, в твоих садах
Богоугодных заведений.

2.

Пора, мой старый друг, пора, —
Зажились мы с тобою оба.
И пожилые юнкера
Стоят навытяжку у гроба.
Им также надо отдохнуть,
Нельзя терзать людей без меры.
Скажи из гроба: в добрый путь,
Законченные офицеры.
1963

ДОБРОТА

Мне приснилась доброта:
В темном доме у моста,
В неизвестном городке
На безыменной реке,
Засияли окна.

В эти окна я смотрел,
Ничего не разглядел.
Чувствовал я только теплоту,
Чувствовал я только доброту.
Вот и все. Уже потом
Я вошел в старинный дом,
Где стояла очередь:
За едой стояли бедняки,
За углем стояли старики.
И на непонятном языке
Обратился к этой бедноте,
По записке читая слова,
Сам мэр — городской голова.
1964

Декабрьский вечер мглистый,
Переходящий в ночь.
Декабрь и декабристы.
Кто сможет вам помочь?
Ах, барские затеи
Невнятны для солдат.
Замерзшие кареи
Без выстрела стоят.
Потом найдутся люди,
В столетие потом.
Сейчас — картечь орудий,
В упор картечный гром.
И побегут солдаты
Скорей, чем на войне.
Царя мерцают латы
В столичной синеве.
1964

СТИХИ О БРЕТАНИ

Kerhamb bredér ag mar don
Lésamb er jibl hag er goumon

1.

Приморские деревни
Над камнем и водой.
И веет ветер древний,
А свиду молодой.
Очаг. Мерцает пламень.
Застывшие года.
И допотопный пламень
И вечная вода.

2.

Повстречало нас немного чаек,
И о чем то гневно голосили
Голосами обездоленных хозяек,
У которых всю посуду перебили.
Это голос независимой Бретани,
Трехстолетняя нестершаяся память.
Порт в дыму. Уходят англичане.
Над пожарищем простреляное знамя.

3.

Сижу в таверне «Золотого льва»
На самом берегу у океана.
Здесь проходила королева Анна,
И внятны мне ее слова,
Исполненные нежности, печали
Разлуки с этим краем. И в порту
Вдруг распустилась парусами лодка.
Но лодки нет. Есть дымчатая водка.
Хмель в голове. Огонь во рту.

4.

Здесь песни заунывные, глухие,
Здесь вечный траур, — черный цвет,
Здесь только Анны и Марии,
Других имен у женщин нет.
1964

ЭПИЗОД

Не редкость выстрелы в горах:
Разбой, охота, поединок.
Ах, чье-то имя на устах!
Дуэль.
«Обычная картина.
Убит был зря. Но смерть была легка»
Запишет кто-то в мемуарах:
«Поручик Лермонтов Тенгинского полка,
Служивший раньше в лейб-гусарах».
1964

СОБАКА

Я — густопсовый пожилой кобель,
Хозяин мой — охотник на покое.
Вчера была ужасная метель,
Творилось что то страшное, такое,
Когда не знаешь, где земля, где твердь,
И, — мы собаки это знаем, —
Хозяйская стояла смерть
В открытом поле за сараем.
И я завыл, как никогда не выл.
И бил меня хозяин, стервенея,
Калмыцкой плетью из последних сил,
Понять предупреждений не умея.
Все говорят, что нет глупее нас
Борзых. Пожалуйста, не верьте.
Никто не знает лучше нас
Незванный час хозяйской смерти.
1965

ЗАКАТ

Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней.

Тютчев.

Распутились розы на глазах, —
Я слышал шорох распусканья.
Ну, что ты, милая в слезах,
Еще не кончено свиданье.
Приподнялся и упал закат
На твои несдержанные слезы,
На меня лежащего, на сад,
На нераспустившиеся розы.
1965

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

стр.

стр.

стр.

стр.

стр.

стр.

стр.